

На правах рукописи

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Валерьевна

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
ОБЩЕСТВА**

Специальность 09.00.11 — социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Красноярск - 2016

Диссертация выполнена на кафедре философии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Кудашов Вячеслав Иванович

Официальные оппоненты: **Опалев Александр Васильевич** доктор философских наук, профессор, Общероссийская общественная организация «Российская академия естественных наук» (РАЕН), руководитель секции геополитики и безопасности, член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации
Ромм Марк Валериевич доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», кафедра философии, профессор кафедры
Черных Сергей Иванович доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный аграрный университет», кафедра философии, заведующий кафедрой

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук» (ЦИПБ РАН), г. Москва

Защита состоится 30 сентября 2016 года в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.099.17 при ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 82, стр. 6, ауд. 3-17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», сайт <http://www.sfu-kras.ru>

Автореферат разослан «__» августа 2016 года

Ученый секретарь
диссертационного
совета

Петров
Михаил Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью в осмыслении проблемы безопасности социальных субъектов, связанной с характерным для современности ростом интенсивности информационных потоков. В социально-философском познании возникают новые задачи, связанные с приведением методологических средств философской науки в соответствие с мировоззренческой парадигмой нестабильности современного мира и пониманием того, что рост информации – это и необходимое условие в функционировании и развитии социальных систем, и значительная угроза для общества.

Обращение общественного сознания к проблемам информационной безопасности связано с новыми особенностями жизни в современном обществе. Сокращаются социальные практики аграрного и индустриального производства – они технологизируются, становятся интеллектуально и информационно насыщенными. Все большая часть общества вовлекается в работу с информацией. Информация становится важнейшим ресурсом общества. Наряду с понятиями «промышленная индустрия», «инфраструктура промышленности» все чаще в деловом языке мы встречаем понятия «информационная индустрия», «информационная инфраструктура». М. Кастельс отмечал, что для наступающей информационной эпохи характерна специфическая форма социальной организации, в которой новые информационные технологии становятся фундаментальным источником производительности и власти. Сложно не согласиться с тем, что сегодня всякая социальная практика, особенно связанная с производством и управлением в широком смысле этого слова, актуализирует определенный спектр информации и обусловлена проблемой информационной безопасности.

Нарастание сложности, многоаспектности социальной жизни, рост скорости ее протекания связаны с ростом интенсивности информационных процессов в обществе и возрастающей скоростью устаревания информации. Подобная ситуация вызывает к жизни новые риски и угрозы, одновременно умножая прежние. Риски и угрозы являются основными параметрами, с помощью которых прогнозируются и решаются любые социальные проблемы, будь то государственное управление, связанное с постоянным реформированием социальных структур, или социально-экономические решения, принимаемые различными другими социальными субъектами. Безопасность субъекта, как и безопасность системы общества в целом, формируется наличием/отсутствием информации и возрастающей скоростью

устаревания информации. Причиной и того, и другого является рост интенсивности коммуникаций в обществе.

В современном мире развитие и усложнение социальной реальности выражаются в росте количества и разнообразия социальных ситуаций, ведущих, в том числе, к большему обобщению и нивелированию социальных норм и к росту самой проблемы нормирования социального пространства. Растет разрегулированность социальных коммуникаций, что влечет за собой разлад социальной системы общества. Сегодня утрачена былая сбалансированность между общественным и частным, за счет которой поддерживалась устойчивость социального порядка: «общественное» колонизируется «частным», а «общественные проблемы», которые не могут быть подвергнуты подобной редукции, и вовсе перестают быть понятными¹.

Модернизация общества породила новые социальные конфигурации – «общество риска», в котором меняется качество общности, а движущей силой становится потребность в безопасности. У. Бек отмечает, что если движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: «Я хочу есть!», то движущая сила общества риска выражается фразой: «Я боюсь!». Место общности нужды занимает общность страха².

По мнению ряда обществоведов, понятия «безопасность», «опасность», «страх» – одни из главных аналитических конструктов социального знания, важных для понимания современности и поздней современности. Глобализация, развитие информационного общества приводят к тому, что эти опасности начинают приобретать все больший социально-политический характер. Растет информационное противостояние между ведущими геополитическими силами – государствами, транснациональными компаниями, международными организациями. Появляются и развиваются такие понятия и практики, как конкурентная разведка, финансовая разведка, «гуманитарные технологии» как способы влияния на определенные сообщества. Осмысление и развитие практик безопасности и защиты интересов становятся вопросом геополитической и экономической конкурентоспособности. Следует отметить, что до сих пор практически отсутствуют обобщающие социально-философские исследования, в которых бы подробно рассматривалась проблема обеспечения информационной безопасности социального субъекта, выраженная в коммуникативно-деятельностном аспекте. Между тем насущность этой проблемы во всех сферах жизни общества и государства сложно преувеличить. Достаточно

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / З. Бауман; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. С. 62-63.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послеслов. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 60.

обратиться к документам Совета Безопасности Российской Федерации³, чтобы убедиться в необходимости концептуализации этого вопроса.

Сегодня важным является осмысление того, что несет динамика информационных потоков миру. Но еще важнее стоит вопрос об обеспечении безопасности – причем как безопасности личности, так и общества в целом в условиях сметающей все на своем пути информационной стихии. В контексте такого подхода мы обращаемся к социально-философской концептуализации проблемы обеспечения безопасности социального субъекта в условиях нарастания девиации/инновации, выраженных в росте информационных потоков.

Степень разработанности темы исследования

В анализе степени разработанности проблемы можно выделить две группы источников: это литература, посвященная проблемам безопасности, информационной безопасности и более обширный набор текстов социально-философского, социологического характера, где концептуализированы вопросы общества и его развития, напрямую связанные с информационным характером нестабильности современности.

Вопросы безопасности, особенно информационной, все чаще включаются в орбиту философских, социологических и политологических исследований, о чем свидетельствуют научные журналы «Национальная безопасность – nota bene», «Информационные войны», «Информационная безопасность регионов», «Армия и общество» и др. Одним из первых научных изданий в Российской Федерации, где появились рубрики «Философия безопасности» и «Философия и социология безопасности», был журнал «Безопасность Евразии».

В области теоретико-методологических проблем безопасности значительный вклад внесли А.И. Буркин, И.А. Василенко, Н.П. Ващекин, А.Ш. Викторов, А.В. Возжеников, С.И. Григорьев, В.Г. Гусаим, М.И. Дзलिएв, А.Н. Дмитриев, М.Ю. Зеленков, Р.Ф. Идрисов, Ю.М. Козлов, А.Н. Кочергин, В.Н. Кузнецов, А.С. Кузьмин, В.К. Левашов, С.Л. Мандрыка, В.Л. Манилов, А.В. Манойло, А.Ю. Маруев, Н.А. Махутов, В.И. Митрохин, А.В. Опалев, Г.В. Осипов, Д.В. Павлов, Н.П. Патрушев, А.С. Панарин, В.С. Пирумов, А.И. Поздняков, А.А. Прохожев, Л.П. Решетников, А.Л. Романович, Н.Н. Рыбалкин, В.В. Серебрянников, Н.В. Синеок, С.В. Смутьский, И.А. Соколов, В.С. Степашин, А.Д. Урсул, В.В. Цыганов, В.С. Шевцов, В.Л. Шульц, И.В. Юрченко, Р.М. Юсупов, Р.Г. Яновский, В.И. Ярочкин и др.

М.И. Дзलिएв, В.Н. Кузнецов, В.В. Кульба, А.А. Прохожев, А.Л. Романович, Э.С. Иззатдуст, А.Д. Урсул, И.В. Чернов, А.Б. Шелков, В.Л.

³ Приоритетные проблемы научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации : утв. исполняющим обязанности Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации, председателя Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации 7 марта 2008 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/93.html>. – Загл. с экрана.

Шульц, В.В. Цыганов занимаются анализом взаимосвязи проблем развития, роста социальных изменений и безопасности различных социальных объектов. В.Н. Кузнецов анализирует проблему обеспечения безопасности не через понятие «защита», а через «развитие», где безопасность рассматривается как динамический процесс, а не как стабильное состояние. А.А. Прохожев соотносит понятие безопасности с категорией развития (причем под развитием понимается прогресс), подчеркивает их взаимосвязь, а также то, что задачи обеспечения безопасности и развития часто носят противоположный характер. А.Д. Урсул развивает концепцию обеспечения безопасности через призму теории устойчивого развития общества и необходимости перехода к этому типу развития системы «общество – природа».

Интерес и функциональную востребованность в анализе практик обеспечения безопасности в условиях современности составляют концепты «сценарного анализа в информационном управлении безопасностью» и «моделирования» в обеспечении безопасности государства, разрабатываемые В.Л. Шульцем. Сценарный анализ и моделирование безопасности являются принципиально новыми элементами в системах поддержки принятия стратегических и тактических решений в обеспечении национальной и государственной безопасности. Такой подход к обеспечению безопасности страны априори актуализирует дальнейшее развитие концептуализации информационной безопасности субъекта.

Вопросы теории информационной безопасности стали рассматриваться не так давно и носят преимущественно несистемный характер. В научной литературе проблемы применения информационных технологий и решения задач информационной безопасности представлены техническим и гуманитарным направлением. В отличие от технического подхода, разрабатывающего программно-техническую сторону процесса обеспечения информационной безопасности, гуманитарный подход рассматривает проблемы информационной безопасности в качестве междисциплинарной области научного знания. Среди исследований социально-философского направления можно отметить работы Л.В. Астаховой, Г.А. Атаманова, М.Ю. Захарова, О.М. Манжуевой, А.В. Поликарпова, В.Ю. Триняка. Л.В. Астахова в осмыслении феномена информационной безопасности делает попытку обращения к герменевтической методологии, указывая на гуманитарную природу феномена. Для М.Ю. Захарова парадигмой информационной безопасности выступает информационный гуманизм, гарантирующий защищенность. О.М. Манжуева развивает подход к информационной безопасности как к системе морально-этических норм, выступающей основанием безопасного применения информационных технологий и формирования общественных отношений в информационной сфере. В связи с этим можно отметить, что в научном пространстве социально-философского дискурса обозначилось формирование нормативного подхода к осмыслению

феномена информационной безопасности. Норма «спасает» общество, работа нормы обеспечивает информационную безопасность субъекта. С одной стороны, с этим сложно не согласиться. Но в предлагаемом исследовании мы отталкиваемся от таких реалий современности, как рост относительности и размытости социальной нормы (этической, религиозной, профессиональной, правовой и др.). «Текучесть современности» (З. Бауман), выраженная в кризисе нормированности, упорядоченности социальной жизни, особенно если речь идет о безопасности субъекта в киберпространстве Сети, заставляет искать иные векторы концептуализации феномена информационной безопасности.

Сегодня можно говорить об отдельных складывающихся традициях организационного, правового, политического, психологического анализа обеспечения информационной безопасности (Д.А. Андрианов, Д.В. Арсентьев, Е.А. Беляев, Н.И. Бусленко, С.Н. Бухарин, В.Н. Илюшенко, А.Н. Лукашин, А.И. Ефимов, И.Н. Панарин, А.И. Поздняков, С.П. Расторгуев, А.Д. Филимонов, В.В. Цыганов, В.Д. Цыганков, В.Н. Лопатин, Д. Н. Шакин, Е. Г. Бунев, С.М. Доценко, А.П. Ильин, П.С. Марголин, В.С. Пирумов, А.Д. Еляков, А.В. Тонконогов, С.И. Тынянкин, В.Л. Шульц, Р.М. Юсупов).

Отдельную группу составляют источники, связанные с осмыслением политики обеспечения информационной безопасности Российской Федерации (А.В. Кубышкин, А.В. Манойло, В.Ф. Ницевич, Г.Г. Почепцов, А.А. Стрельцов, О.А. Судоргин, Е.В. Черненко, В.П. Шерстюк и др.).

Для организации настоящего исследования из существующей литературы, в которой рассматриваются вопросы информационной безопасности, мы выделяем тексты организационного, технологического характера, посвященные систематизации и структурированию организации действий субъектов различного масштаба и указывающие на институциональные характеристики процесса обеспечения информационной безопасности (С.П. Расторгуев, С.Н. Бухарин, В.В. Цыганов, В.В. Кульба, А.Г. Глушков, А.А. Смирнов, И.В. Чернов, А.Б. Шелков, В.Л. Шульц, Р.М. Юсупов и др.).

Особое место в изучении предмета занимает анализ обеспечения информационной безопасности нормативно-правового характера (И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, П.У. Кузнецов, Т.А. Полякова, С.Н. Соколова, А.А. Стрельцов, Е.К. Волчинская, М.А. Федотов и др.). Здесь необходимо выделить классическую работу И.Л. Бачило, В.Н. Лопатина, М.А. Федотова «Информационное право» (2001), которая, на наш взгляд, внесла значительный вклад в концептуальные основания развития информационного права в России, а соответственно – в развитие практик и структур обеспечения информационной безопасности.

Интерес для исследования составляет аналитика, посвященная использованию информационных технологий в экстремистской деятельности (И.Ю. Сундиев, С.С. Станчик, Е.О. Кубякин и др.), информационным

аспектам экономической безопасности (С.А. Бахтин, В.В. Борисенко, А.М. Ельчанинов, А.Г. Зуев, Л.А. Мясникова), информационной безопасности в политическом процессе, в условиях глобализации (Г.Л. Акопов, О.И. Немыкина, А.В. Манойло, И.В. Сурма, А.Ф. Федоров и др.). Социально-организационные аспекты проблем информационной безопасности исследуются А.Д. Еляковым.

Отдельными направлениями, которые имеют прямое отношение к предмету исследования, являются информационное противоборство (С.П. Расторгуев, С.Н. Бухарин, В.В. Цыганов, В.В. Кульба, В.Л. Шульц, А.Б. Шелков, Е.С. Ларина, А.В. Манойло, И.Ю. Нежданов, Ю.Г. Бочкарева, И.Н. Панарин, В.В. Прохвятилов, В.С. Пирумов, Н.Л. Волковский, С.Н. Гриняев, Д.А. Губанов, С.А. Комов, А.Г. Чхартишвили), теория информационных, сетевых войн (А.Г. Дугин, В.И. Ковалев, Ю.А. Матвиенко, А.М. Соколова и др.).

Попытки концептуализации безопасности предпринимаются философами и социологами через призму теорий риска и общества риска (В.С. Диев, С.А. Кравченко, Р.Г. Яновский и др.). В.С. Диев подходит к конструированию теоретико-методологических оснований теории безопасности посредством понятия «риска». С его точки зрения, это позволяет развивать количественные оценки безопасности.

С другой стороны, логика поиска в концептуализации предмета исследования отталкивается от социально-философских положений структурно-функциональной теории общества (Т. Парсонс, Н. Луман), теории информационного общества М. Кастельса, идей о современном сетевом обществе А.В. Назарчука, объект-центрированной социальности К. Кнорр-Цетины, теории структуризации Э. Гидденса, теории постмодерности З. Баумана, социологии мобильностей (Дж. Урри), теории общества «третьей волны» и социального ускорения (Э. Тоффлер) и др.

Н. Луман, развивавший идеи социального функционализма, предложил целостную, универсальную теорию общества, основанную на революционных достижениях кибернетики и теории информации. Основные идеи в исследовании социальной природы информационной нестабильности и безопасности появились благодаря теории социальной эволюции и теории коммуникации Н. Лумана. Необходимо, в частности, отметить идеи Е.Н. Ивахненко, Е.А. Лавренчука, которые развивают теорию коммуникации Н. Лумана в рамках попыток концептуализации киберпространства.

В России сегодня развивается дисциплина «социальная информатика», суть которой заключается в изучении процессов информатизации, включающих в себя медиатизацию – развитие средств сбора, хранения и распространения информации; компьютеризацию как внедрение средств поиска и обработки информации; а также интеллектуализацию как процесс развития способностей людей к восприятию и порождению информации (знания), т.е. процесс повышения интеллектуального потенциала общества,

включающий использование средств искусственного интеллекта (Н.Н. Моисеев, Р.С. Гиляревский, В.М. Глушков, А.И. Ракитов, А.В. Соколов, И.В. Соколова, Н.В. Лопатина, А.В. Чугунов, К.К. Колин, М.Ю. Тихомиров, А.Д. Урсул и др.).

А.Д. Урсул рассматривает эту дисциплину как научную базу для формирования зарождающегося информационного общества и решения проблем безопасности. Структура социальной информатики, с его точки зрения, включает теоретико-методологический уровень знания (основные категории, понятия и закономерности прохождения информационных процессов в обществе), средний уровень, или социологию информатизации (социальный «срез» экономических, правовых, психологических и других аспектов информатизации) и эмпирический уровень знания (социальные аспекты создания, внедрения и адаптации информационных технологий в соответствующих предметных областях). Рассматривая обеспечение информационной безопасности как одну из проблемных областей социальной информатики, И.В. Соколова указывает на необходимость изучения социального аспекта содержания информационной безопасности. Его составляет система направлений, институтов и особенностей функционирования информационных потоков, соответствующих или не соответствующих характеру выполнения субъектами управления своих социальных функций. Концептуализация практик обеспечения информационной безопасности, предлагаемая в настоящем исследовании, способствует решению этой задачи.

Изучение социальной природы информационной безопасности связано с анализом сетевого характера современных коммуникаций, деятельностью социальных сетей, сетевого принципа организации общества. Популярность сетевого подхода объясняется его широкой эмпирической применимостью, дающей выход к междисциплинарным теоретическим обобщениям. Благодаря сетевому подходу открывается возможность организации оптики различных социальных информационных процессов, их анализа и дифференциации на предмет опасностей, рисков и угроз для различных социальных субъектов. Среди ученых, которые исследуют сетевое общество, социальные сети необходимо отметить Г.В. Градосельскую, М. Грановеттера, Д.А. Губанова, Л.М. Землянову, М.А. Логинову, Л.А. Мясникову, А.В. Назарчука, Д.А. Новикова, М.В. Ромма, А.Г. Чхартишвили, В.Н. Щербину и др.

Сетевые принципы используют для анализа общества в целом, а само современное общество часто называют постиндустриальным, информационным, сетевым и обществом риска. Среди наиболее известных авторов, развивающих подобные векторы осмысления современности, необходимо назвать М. Кастельса, Д. Белла, А. Турена, Э. Тоффлера, Р. Ингельгарта, Р. Арона, П. Дракера, М. Маклюэна, А. Этциони, Э. Гидденса, С. Лэша, Е. Массуду, Р. Райха, Ю. Хабермаса, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра,

Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Т. Адорно, Г. Маркузе, Р. Дарендорфа, Ф. Броделя, К. Эрроу, Д. Норта, Ф. Махлупа, Т. Умесао, Р. Катца, Дж. Мартина, М. Пората, Т. Стоунера, У. Дайзарда и др.

В России информационной стадией развития общества и вопросами информационной нестабильности занимаются многие специалисты в различных предметных областях гуманитарного знания. Среди них: Р.Ф. Абдеев, И.Ю. Алексеева, В.Г. Афанасьев, Л.В. Баева, В.С. Диев, С.А. Дятлов, Д.В. Иванов, В.И. Игнатъев, В.Л. Иноземцев, В.В. Крюков, В.И. Кудашов, М.М. Кузнецов, В.Д. Мансурова, И.С. Мелюхин, А.В. Назарчук, Г.А. Осипов, Е.В. Петрова, А.И. Ракитов, Н.Ф. Рахманкулова, М.В. Ромм, А.Ю. Сидоров, И.В. Соколова, С.И. Черных, А.Д. Урсул, Е.Н. Шклярник, М.П. Яценко и др.

Отдельной группой источников являются теории виртуальной социальной реальности и виртуализации общества. Проблема безопасности рассматривается, в том числе, через призму теорий виртуализации социальных процессов. Исследованием виртуальной реальности и процессов виртуализации занимается ряд отечественных и зарубежных исследователей. В работах Д. Белла, М. Маклюэна, Е. Масуды, Т. Стоуньера, Э. Тоффлера описываются социальные трансформации, происходящие в контексте бурного развития и распространения информационных технологий. Феномен виртуальной реальности и процессы виртуализации общества исследуются в работах А.В. Говорунова, Д.В. Иванова, В.И. Игнатъева, В.А. Кутырева, Н.А. Носова, Б.С. Сивиринова, С.С. Хоружего, М.Н. Эпштейна и др.

Изучение социальных аспектов обеспечения безопасности в условиях информационной нестабильности связывается автором с так называемым практическим поворотом в социальной философии, где в центр внимания исследователей попадает проблематика роли практического действия в социальных структурах, взаимосвязь социальной практики и коммуникации. Эти проблемы разрабатываются в рамках теории социальных практик (П. Будье, Э. Гидденс), в социальной феноменологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), этнометодологии (Г. Гарфинкель), теории коммуникативного действия (Ю. Хабермас). Среди отечественных исследователей теории практик следует назвать В.В. Волкова и О.В. Хархордина. В области акторно-сетевой теории работают В.С. Вахштайн и А.М. Корбут.

Особое место в изучении социальных практик обеспечения информационной безопасности занимают теории сетевой социальности, демонстрирующие связь социальной практики и коммуникации (М. Кастельс, К. Кнорр-Цетина, Д.В. Иванов, В.Е. Кемеров, А.Л. Радкевич, В.Н. Поправко), акторно-сетевая теория (Дж. Ло, Б. Латур).

Прямое отношение к предмету исследования имеет изучение интернет-практик повседневности (А.Л. Радкевич). Обширный пласт исследований посвящен вопросам виртуальных сообществ и общения посредством Интернета (Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова, В.Е. Нестеров, А.Е. Жичкина, Д. Чеботарева и др.)

Проблемам и социальным последствиям развития Интернета в России посвящены исследования Г.Л. Смоляна, В.Н. Цыгичко, Д.Д. Хан-Магомедова, А.Е. Шадрина, В.И. Игнатьева и др. Внимание социологов привлекает проблематика изучения аудитории российского Интернета как специфической группы населения. Первые работы в этом направлении связаны с именами Б.З. Докторова, П.К. Залесского, Р.С. Могилевского, А.С. Создателя, Т.В. Филипповой. Ведутся эмпирические исследования интернет-аудитории в рамках различных исследовательских и маркетинговых проектов.

Итак, вопросы обеспечения безопасности в условиях информационной нестабильности общества или информационной безопасности рассматриваются в контексте конкретных предметных областей знания: теории информационного противоборства, теории управления, теории информационного права, политологии, экономики. В социально-философском познании можно говорить о началах осмысления гуманитарной природы феномена информационной безопасности – актуализации информационного гуманизма и безопасности как системы морально-этических норм. При эмпирической значимости проблематики недостает теоретических работ, в которых актуализировалась бы проблема осмысления обеспечения информационной безопасности субъекта в социальном контексте.

Мы сталкиваемся с противоречиями между необходимостью постижения сущности практик обеспечения информационной безопасности и недостаточной теоретической разработанностью представлений об этом явлении в философском научном познании; между значимостью всестороннего научного осмысления процессов и явлений, которые могут быть объединены с помощью понятия «обеспечение информационной безопасности», и ограниченностью взятых по отдельности теоретических подходов для выяснения этой проблемы. Растет частота употребления понятия информационной безопасности, имеющего отношение к различным проблемам, угрозам личности, общества, государства, но все в меньшей мере конкретизируются смыслы, которые вкладываются в это понятие в процессе прогнозирования, разрешения или предотвращения этих проблем, угроз.

Считаем, что вышеназванные направления и подходы к пониманию и определению безопасности, информационной безопасности возможно увидеть в едином методологическом ключе через призму приведенных современных социально-философских теорий и задать новый вектор концептуализации в понимании обеспечения информационной безопасности как совокупности практик в условиях информационной нестабильности общества.

Концепция работы состоит в утверждении о том, что обеспечение информационной безопасности составляет совокупность социальных практик, обусловленных ростом интенсивности коммуникации. В основаниях

проблемы информационной безопасности лежит обострение противоречия между устойчивостью конституционных оснований социального субъекта и ростом вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. В том числе, это противоречие выражено в «колонизации» общего (как общественного интереса) со стороны частного. Обеспечение информационной безопасности заключается в ориентации субъекта в информационном пространстве при условии защиты его информации и его защиты от информации. Практики безопасности осуществляются в условиях актуальной и виртуальной социальной реальности.

Объектом исследования является информационная нестабильность общества.

Предмет исследования – обеспечение информационной безопасности социального субъекта.

Цель диссертационной работы заключается в социально-философской концептуализации проблемы обеспечения информационной безопасности субъекта через призму анализа социальных информационных процессов.

Необходимость разработки теоретико-методологических оснований в социально-философском осмыслении проблемы информационной безопасности определяет ряд исследовательских **задач**:

1. Провести анализ существующих подходов к понятию безопасности и информационной безопасности с целью последующей организации необходимого теоретического инструментария исследования.

2. Предложить подход к определению безопасности субъекта через сопоставление и анализ категории «социальный порядок» и понятия девиации.

3. Рассмотреть девиацию/инновацию как вариативность коммуникации, ведущую к нестабильности социального порядка, и проанализировать роль информации как «различия различия» (Н. Луман) в современном росте интенсивности коммуникаций.

4. В рамках социально-философского дискурса выявить противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности социального субъекта с тем, чтобы предложить подход к определению обеспечения информационной безопасности социального субъекта.

5. Задать проблему противопоставления безопасности интересов «частного» и безопасности интересов «общего» в контексте предложенной концептуализации подхода к безопасности субъекта.

6. Выявить и проанализировать характер общих социальных практик в обеспечении информационной безопасности.

7. В качестве практик обеспечения информационной безопасности рассмотреть феномен новых социальных мобильностей, проанализировать

темпоральные характеристики практик как критерий обеспечения информационной безопасности.

8. Предложить концептуализацию сетевого коммуникативного киберпространства как необходимого очага накопления и ускорения девиации/инновации и как системы мобильностей.

9. Выявить и проанализировать особенности сетевых практик обеспечения информационной безопасности в условиях киберпространства и предложить типологизацию угроз безопасности субъекта в условиях киберпространства.

Теоретико-методологическая основа исследования

Социально-философское знание является способом теоретического осмысления общих выводов о закономерностях и особенностях жизни в обществе, раскрываемых в рамках социальных и гуманитарных наук. Именно такое интегративное знание позволяет выстроить концептуализацию глубинных оснований феномена информационной безопасности и обосновать его социальную обусловленность. В конструировании теоретико-методологических оснований исследования использовался эвристический потенциал таких социально-философских категорий как социальное, социальное взаимодействие, социальная практика, социальная система, социальный порядок, социальное пространство.

Особенность выстраивания методологии исследования связана со значительной ролью метасоциологической теории. Основанием исследования послужили теория социальной эволюции Н. Лумана и социология мобильности, развиваемая сегодня Дж. Урри.

В работе использовались сетевой подход (Г.В. Градосельская М. Грановеттер, Л.М. Землянова, М.А. Логинова, Л.А. Мясникова, А.В. Назарчук, Д.А. Новиков, М.В. Ромм, А.Г. Чхартишвили, В.Н. Щербина), информационный подход (В.Б. Гухман, В.И. Кашперский, И.В. Мелик-Гайказян), принципы структурно-функциональной теории (Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Луман).

В конструировании социально-философского подхода к понятиям безопасности, информационной безопасности автором использовались теория коммуникации и теория социальных систем Н. Лумана, теория структуризации Э. Гидденса, теории виртуализации общества (М. Вэйнстайн, Н.А. Носов, Д.В. Иванов и др.), теория виртуальной/актуальной реальности (А.В. Говорунов, В.И. Игнатъев), теории информационного общества (М. Кастельс, Г. Бехманн и др.).

В рамках анализа практик обеспечения информационной безопасности состоялось обращение к теории объект-центрированной социальности (К. Кнорр-Цетина), социологии мобильностей (Дж. Урри), теории постсовременности Э. Гидденса, идеям социального ускорения и роста временности ситуации Э. Тоффлера, концепту колонизации общественного

со стороны частного З. Баумана, концепциям сетевой социальности и информационализма М. Кастельса и др.

Немалую роль в исследовании глубинных оснований информационной современности сыграли идеи русских философов – В.Н. Муравьева, Л.П. Карсавина, А.Ф. Лосева. Русская философия, на взгляд автора, богата метафорами и идеями, передающими суть «текучести» социального, ускользания «имени вещи» (А.Ф. Лосев) как единицы социального взаимодействия и судьбы личности, другого субъекта как «несовершенного единства несовершенного множества моментов бытия» (Л.П. Карсавин) или информации.

Автор опирался на теоретические конструкции понятий безопасности, обеспечение безопасности, национальной безопасности, информационной безопасности, предлагаемые современными российскими учеными в рамках таких научных направлений, как теория национальной безопасности, социальная информатика, информационное противоборство, теория сетцентричных войн. Привлекались отдельные положения теории онтологической безопасности Э. Гидденса, теории общества риска У. Бека и др.

В работе использовались общеполитические и общенаучные методы исследования: восхождение от конкретного к абстрактному, метод системного анализа, методы аналогии, обобщения, формализации, экстраполяции.

Научная новизна исследования состоит в концептуализации проблемы обеспечения информационной безопасности социального субъекта на основе выявления и осмысления противоречия, лежащего в основаниях современного социума. Сформирован социально-философский инструментарий для анализа проблем обеспечения информационной безопасности субъекта в условиях современного общества:

1. Проведен анализ существующих подходов к понятию безопасности и информационной безопасности и предложен подход к определению безопасности социального субъекта.

2. В контексте предложенного подхода раскрыта проблема противопоставления безопасности интересов «частного» (личности, отдельных групп, организаций) и «общего» (государства, общества в целом).

3. Задана социально-философская концептуализация обеспечения информационной безопасности субъекта.

4. Выявлены и проанализированы сущностные особенности практик обеспечения информационной безопасности.

5. С целью анализа проблемы обеспечения информационной безопасности в узком смысле слова разработана концептуализация сетевого коммуникативного киберпространства как необходимого очага накопления и ускорения девиации/инновации и как системы мобильностей.

6. Выдвинуто и доказано утверждение о том, что сеть Интернет как структура накопления и ускорения девиации/инновации сохраняет баланс безопасности интересов «частного» и «общего».

7. Предложен анализ соотношения национальной и государственной безопасности через призму заданного подхода к пониманию безопасности, информационной безопасности и концепта Сети как средства накопления и ускорения девиации/инновации.

8. Выявлены и проанализированы особенности сетевых практик обеспечения информационной безопасности в условиях киберпространства.

9. Предложена типологизация угроз безопасности субъекта в условиях киберпространства.

Основные выводы и положения, выносимые на защиту:

1. С целью формирования теоретического инструментария предложен подход к определению безопасности субъекта через сопоставление и анализ категории «социальный порядок» и понятия девиации как вариативности коммуникации (Н. Луман). Безопасность социального субъекта интерпретируется как мера устойчивости социального порядка в условиях роста девиации/инновации.

2. Информация как операция «различения различения», производимая психической и социальной системой, играет основополагающую роль в современном росте интенсивности коммуникаций, задающего характер «текущей современности» (З. Бауман) обществу. Использование социально-философского подхода позволяет выявить ведущее противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности субъекта. Оно заключается в «разнонаправленности» устойчивости конституционных оснований социального субъекта и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), ведущей к информационной нестабильности общества.

3. «Колонизация общественного частным» (З. Бауман) связана с ростом интенсивности информационных потоков. Этот процесс выражен в усилении девиантности (Н. Луман). Если рост девиации/инновации трактовать как рост частного интереса в обществе, то скрепой и носителем общественного интереса (интереса общего) является норма, представленная религией, моралью, правом. Все дальше расходятся два мира, два состояния общества: мир нормы, воплощенный в интересах общего (государства, общества в целом), и мир частного интереса (личности, отдельных групп, организаций). В зависимости от интенсивности вариативности коммуникации (девиации/инновации) автор различает два типа обеспечения безопасности: обеспечение безопасности в условиях низкой интенсивности вариативности коммуникаций (условно, состояние традиционного общества) и обеспечение безопасности в условиях высокой интенсивности вариативности коммуникаций (состояние современного общества).

4. Обеспечение информационной безопасности рассматривается в широком и узком смысле слова: информационная безопасность в условиях современного общества (актуального социального) и информационная безопасность в условиях киберпространства (виртуальной социальной реальности). В первом случае речь идет о социальных практиках субъекта, соответствующих скорости и многообразию современных коммуникаций; во втором – о сетевых практиках, адекватных изменчивому виртуальному пространству. Второй тип практик информационной безопасности составляет частный случай первого. И первый, и второй тип социальных практик подразумевают следующее: 1. защиту субъектом своей информации и защиту от внешней информации; 2. ориентацию в информационном пространстве, поскольку ресурсы в условиях роста устаревания информации должны всякий раз пересматриваться и обновляться.

5. Социальные практики обеспечения информационной безопасности имеют ряд сущностных особенностей. В целом они рассматриваются как практики новых мобильностей (Дж. Урри). Характерным для практик безопасности являются объектуализация отношений (К. Кнорр-Цетина), делегализация действия, контрфактуальность мышления и калькуляция риска (Э. Гидденс). Рост интересов «частного» ведет к «приватизации» практик безопасности. Критерием эффективности обеспечения безопасности являются темпоральные характеристики социальной практики. «Лестница субъектов действия», «люди прошлого, настоящего, будущего», «человек пространства, человек времени» являются метафорами различения субъектов по их возможностям в обеспечении информационной безопасности. Обеспечение информационной безопасности субъекта составляют социальные практики и социальные структуры. Такой подход позволяет увидеть особенности практик безопасности и противоречие между локальностью структур безопасности и потоковым, сетевым характером информационных угроз, не имеющих территориальной локализации.

6. С целью анализа практик информационной безопасности в узком смысле слова задается концептуализация киберпространства как необходимого очага накопления и ускорения девиации/инновации. Интернет обеспечивает «локализацию» и одновременно накапливает и ускоряет девиации/инновации (информацию), тем самым являясь мощным фактором роста угроз информационной безопасности и инновационного развития. С другой стороны, Интернет интерпретируется как система мобильностей, культивирующая сетевые практики и являющаяся собой метатехнологию в обеспечении информационной безопасности.

7. Сеть Интернет позволяет сохранять баланс безопасности интересов «частного» и «общего». Система общества поддерживает целостность, относительную устойчивость, выстраивая параллельное виртуальное пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность информационных процессов, реализующих интересы «частного». Через призму заданной

концептуализации можно утверждать, что национальная безопасность выступает как совокупность практик по защите и интересов «частного», и интересов «общего». Это и защита права на девиацию/инновацию, и защита нормы, закона как ограничения действий субъекта, гаранта безопасности целостности, упорядоченности и стабильности. Государственная безопасность предполагает прежде всего защиту интересов «общего» – целостности, порядка и стабильности.

8. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности определяются функциональным значением, а не местом, в котором находятся акторы, и подвержены многофакторному регулированию. Нормой практик становится формирование персональных микросетей. Культивирование «темпоральных разрывов», «преодоление разрывов» в защите информации и защите от информации, «свобода риска» и «комфортабельная аномия» также составляют особенности обеспечения безопасности в Сети. Состояние «комфортабельной аномии» актора ведет к информационной избыточности и усилению «разлома» между виртуальным и актуальным, что сказывается на росте условности сетевых практик безопасности. С ростом масштаба и влияния информационных потоков сетевые практики обеспечения безопасности становятся «бременем мобильности» для субъекта.

9. Основные типы угроз информационной безопасности в киберпространстве – это:

1) угрозы, связанные с расширением манипулирования сознанием человека, информационной перегрузкой, с ростом интернет-зависимости и развитием форм психосоциальной депривации;

2) использование во вред персональных данных;

3) расширение масштабов манипуляции общественным мнением, появление возможностей эффективной организации деструктивных процессов в ценностных системах общества;

4) деятельность сетевых структур отечественной и международной преступности и терроризма;

5) ведение информационных войн, неконтролируемое распространение информационно-психологического оружия и его применение в информационных войнах;

6) угрозы стабильности существующих политических режимов власти: системные и периферийные, обусловленные сетевой логикой социальных процессов в Интернете.

Достоверность и обоснованность выводов предлагаемой работы обеспечивается анализом широкого круга социальных явлений, использованием значительного набора научных источников и применением адекватных методов познания.

Теоретическая и практическая значимость работы

Предложенное направление в исследовании информационной безопасности является принципиально новым, т.к. актуализирует социальные

системные аспекты обеспечения информационной безопасности, а следовательно – формирует единую оптику на процесс обеспечения безопасности в условиях информационной нестабильности.

Разработанная теоретико-методологическая основа анализа обеспечения информационной безопасности способствует более глубокому подходу в осмыслении современных информационных социальных процессов. Теоретический и методологический потенциал авторской концепции может быть использован для разработки практических рекомендаций в области управления социальными процессами, различной интенсивности и направленности. В частности, возможности предлагаемого подхода к обеспечению безопасности могут быть применены в качестве теоретико-методологического инструментария для «сценарного анализа в управлении безопасностью» и «моделирования» информационного управления безопасностью, разрабатываемые сегодня Центром исследования проблем безопасности Российской академии наук.

Идеи, предложенные в исследовании, могут внести вклад в становление такого научного направления, как «информационное противоборство», задать новый импульс исследовательским практикам в предметной области социальной информатики как на уровне теоретико-методологического знания (основные категории, понятия и закономерности прохождения информационных процессов в обществе), так и на среднем – социологии информатизации (социальный «срез» экономических, правовых, психологических и других аспектов информатизации).

В целом, предложенное исследование может составить концептуальное основание в развитии таких предметных областей знания, как философия и социология информационной безопасности, информационное право, теория оперативно-розыскной деятельности.

Результаты исследования могут стать теоретической и методологической основой для формирования учебных курсов и спецкурсов, посвященных проблемам безопасности общества, государства, личности в рамках социальной философии, философской антропологии, социологии, политологии, в дальнейших теоретико-методологических исследованиях информационной безопасности.

Разработанная концепция обеспечения информационной безопасности может быть использована для осмысления и коррекции политики обеспечения информационной безопасности на различных уровнях управления социальными процессами, в реализации интересов как «частных», интересов отдельных социальных субъектов, так и в защите интересов «общего» – общества и государства. На взгляд автора, в результатах исследования заложены методологические возможности концептуализации соотношения понятий национальной и государственной безопасности.

Диссертант надеется, что его исследование составит вклад в развитие теории и методологии обеспечения национальной и государственной безопасности России. В 2008 году Советом Безопасности Российской Федерации был принят документ «Приоритетные проблемы научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации». Среди гуманитарных проблем обеспечения информационной безопасности в документе зафиксированы, в том числе: исследование проблем обеспечения информационной безопасности информационного общества; исследование проблем формирования и реализации государственной политики в области развития информационного пространства России на основе соблюдения баланса интересов личности, общества и государства; исследование проблем формирования понятийного аппарата в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Результаты предложенной работы в различной мере способствуют развитию указанных направлений.

Апробация диссертационного исследования

Положения диссертационного исследования и полученные результаты изложены в трех научных монографиях и 58 публикациях. Отбор научных изданий для публикации выводов исследования проводился целенаправленно в течение периода всей работы. Автор выбирал те издания, которые отвечали как дисциплинарной области исследования, так и тематике работы, что представляло определенную трудность. Помимо этого, автор старался помещать публикации в журналы общероссийского уровня с тем, чтобы заявить о важности нового научного направления. Основные результаты исследования представлены в 25 статьях, опубликованных в следующих рецензируемых журналах: «Философия образования», «Ученые записки РГСУ», «Социальная политика и социология», «Социологические исследования» («Социс»), «Идеи и идеалы», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Информационное общество», «Национальная безопасность – Nota bene», «Информационные войны», «Политика и общество», «Философия и культура», «Научный Вестник Омской академии МВД России», «Социодинамика» а также научно-информационный журнал «Армия и общество». В том числе, три публикации помещены в закрытых изданиях, входящих в список ВАК.

Сделаны доклады и опубликованы тезисы в трудах научных конференций: I Всероссийские Копыловские чтения. Социальная онтология России (март 2007, Новосибирск, НГТУ); III Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения» (октябрь 2007, Москва); III Всероссийский социологический Конгресс (март 2008, Москва); II Всероссийские Копыловские чтения. Социальная онтология России (март 2008, Новосибирск, НГТУ); III Всероссийские Копыловские чтения. Социальная онтология России (март 2009, Новосибирск, НГТУ); Всероссийская научно-практическая конференция «Социология, философия,

право в системе научного обеспечения процессов развития современного общества» (г. Красноярск, май 2010); Всероссийская конференция «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы» (ноябрь 2010, Москва); VI Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения» (декабрь 2010, Москва); Научно-практическая конференция Шестые Ковалевские чтения (ноября 2011, Санкт-Петербург); VII международная научная конференция «Сорокинские чтения» (декабрь 2011, Москва); IV Всероссийский социологический конгресс (февраль 2012, Москва); Международная научно-практическая конференция «Коммуникативные стратегии информационного общества» (ноябрь 2012, Санкт-Петербург), XII Всероссийская научная конференция Информация. Коммуникация. Общество (ИКО-2015). Война и мир как формы коммуникации. Герои и общество (январь 2015, Санкт-Петербург); XII Международная научно-практическая конференция «Уголовно-правовая охрана информационного пространства в условиях глобализации» (февраль 2015, Екатеринбург); Всероссийская научно-практическая конференция на базе третьего факультета Института повышения квалификации ФГКОУ высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации»: «Проблемы противодействия коррупции: актуальные проблемы теории и практики» (июнь 2015, Новосибирск).

Структура диссертации соответствует заявленной цели исследования и определяется её задачами. Текст исследования состоит из введения, трех глав, состоящих из 12 параграфов, заключения и списка литературы (включающего 441 источник) и насчитывает 300 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень научной разработанности исследуемой проблемы, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается их научная новизна, конкретизируется теоретическая и практическая значимость диссертации, а также представляется апробация результатов проведенной работы.

В первой главе «Безопасность и информация: к социально-философскому осмыслению обеспечения информационной безопасности» задаются теоретико-методологические основания диссертационного исследования, определяются теоретические принципы исследования безопасности и информационной природы социального. В

главе предложен подход к определению обеспечения информационной безопасности социального субъекта. Для этого проведен анализ существующих подходов к понятию безопасности, информационной безопасности, предложен рабочий вариант концептуализации подхода к определению безопасности субъекта, выявлена и проанализирована связь между феноменом информации и безопасностью субъекта.

В первом параграфе первой главы «Об основных подходах к понятию «информационная безопасность» были проанализированы традиционные подходы и определения информационной безопасности, суть которых заключается в утверждении: «защита информации и защита от информации».

Отмечается, что в российском обществе сформировался государственный, нормативно-правовой подход к понятию информационной безопасности. Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

В большей мере существующая литература, посвященная анализу информационной безопасности в обществе, представляет собой тексты технологического и организационного характера. Они представлены аналитикой по систематизации и структурированию организации действий субъектов различного масштаба, обеспечивающих информационную безопасность государства или отдельных организационных структур (С.Н. Бухарин, А.Г. Глушков, В.В. Кульба, С.П. Расторгуев, В.В. Цыганов, А.А. Смирнов и др.). Рефлексия проблемы обеспечения информационной безопасности представлена в работах нормативно-правового характера (И.Л. Бачило, Е.К. Волчинская, П.У. Кузнецов, В.Н. Лопатин, С.Н. Соколова и др.). Можно встретить аналитику различного уровня системного анализа, посвященную: использованию информационных технологий в экстремистской деятельности (Е.О. Кубякин, С.С. Станчик, И.Ю. Сундиев); информационным аспектам экономической безопасности (С.А. Бахтин, А.М. Ельчанинов, А. Зуев, Л. Мясникова, З.Ч. Схаляхо); информационной безопасности в мировом политическом процессе (И.В. Сурма, А.Ф. Федоров) и др. Отдельным направлением, которое имеет прямое отношение к информационной безопасности, является информационное противоборство (С.Н. Бухарин, В.В. Кульба, С.П. Расторгуев, В.В. Прохвятилов, В.В. Цыганов), теория информационных, сетевых войн (А.Г. Дугин, В.И. Ковалев, Ю.А. Матвиенко).

Отмечается, что традиционно параметры понятия «информационная безопасность» принято осмысливать в технических и психологических характеристиках. Суть определений понятия сводится к «защите информации и защите от информации» (В.Н. Илюшенко, С.П. Расторгуев,

Р.М. Юсупов и др.). А.Д. Урсул определяет информационную безопасность как состояние защищенности основных сфер жизнедеятельности по отношению к опасным информационным воздействиям.

Помимо статического подхода к определению информационной безопасности как состояния защищенности, можно выделить динамический подход к определению, который, на взгляд автора, методологически более функционален. Информационная безопасность – это снятие информационной неопределенности относительно объективно и субъективно существующих потенциальных и реальных угроз за счет контроля над мировым пространством и наличия возможностей, условий и средств для отражения этих угроз, что в совокупности определяет уровень (степень) информационной безопасности каждого субъекта (М.В. Арсентьев).

Автор разделяет утверждение о том, что в содержании информационной безопасности ключевым является контроль за информацией, циркулирующей в мировом пространстве, а также наличие возможностей и средств для отражения возникающих угроз. Это определяется и предполагает: возможность доступа к информации; наличие собственного высокого информационного потенциала (ресурсов); независимость в использовании собственного информационного потенциала; средства защиты этой части потенциала (правовые, технические, специальные и др.); определение защищаемой части собственного информационного потенциала за счет соотнесения с информационным потенциалом других субъектов; создание возможностей и условий для обогащения своего собственного информационного потенциала за счет потенциала других субъектов, в том числе и находящегося под защитой, что определяется существующей конкуренцией, соперничеством и противоборством. Приведенные характеристики информационной безопасности особенно актуализируются в понятиях информационной войны и информационного противоборства (М.В. Арсентьев, С.Н. Бухарин, А.И. Ивлева, С.П. Расторгуев, В.В. Цыганов и др.). В этом же ключе многие авторы пишут о кибернетической безопасности и кибернетической войне (А.Д. Еляков, А.В. Тонконогов и др.).

Отмечается, что серьезный посыл в актуализации социального аспекта информационной безопасности задается социальной информатикой. Главная социальная функция информационной безопасности заключается в обеспечении стабильности и устойчивости социально-экономического и социально-политического развития общества в соответствии с объективно действующими закономерностями и тенденциями при наличии внутренних и внешних угроз (И.В. Соколова). Основным социальным аспектом содержания информационной безопасности состоит в системе направлений, институтов и особенностей функционирования информационных потоков,

соответствующих характеру выполнения субъектами управления своих социальных функций. Ведущую роль в обеспечении информационной безопасности И.В. Соколова отводит процессу информатизации общества. По ее мнению, при создании информационной среды должно быть обеспечено диалектическое единство средств информатики и системы социальной информации.

В работе делается вывод о том, что приведенные направления и подходы к пониманию информационной безопасности возможно увидеть в едином методологическом ключе, исполненном на языке социально-философской теории. Такая операция поспособствует дальнейшему наполнению и развитию понимания социальной природы понятия. Обеспечение информационной безопасности автор связывает с пониманием и владением особенностями современных социальных практик, которые позволяют сохранять адекватность внешнему миру информационных потоков – как индивиду, так и отдельным социальным системам; а значит, сохранять и индивиду, и системе целостность и устойчивость в условиях нарастания девиации/инновации как вариативности коммуникаций (роста интенсивности информационных потоков). В решении подобной задачи, для начала, автор вырабатывает общий подход к пониманию безопасности субъекта.

Во втором параграфе первой главы «Безопасность как мера устойчивости социального порядка в условиях роста вариативности коммуникации, выраженной в интенсивности информационных потоков» с целью уточнения исследовательского подхода первоначально задается представление о безопасности субъекта как о мере устойчивости социального порядка в условиях роста интенсивности коммуникации, выраженной в девиации/инновации. Утверждается, что рост интенсивности коммуникации связан с ростом интенсивности «различения различения» или информации. С ростом интенсивности коммуникации/информации связывается изменение понимания проблемы устойчивости социального порядка. В теоретическом мышлении сегодня устойчивость и системность социального порядка заменяются понятиями «рестабилизация» (Н. Луман) и «структуризация/реструктуризация» (Э. Гидденс) порядка.

Исследование исходит из утверждения, что социальный порядок современного (информационного) общества является упорядоченностью системы, пребывающей на высоком уровне накопления и ускорения самореференции/инореференции («различения различения» или информации) социальной системы. Подобное утверждение основывается на анализе теории социальной эволюции Н. Лумана, который рассматривал социальную эволюцию как рост дифференциации социальной коммуникации, выраженный, в том числе, в росте интенсивности коммуникации, где всякая коммуникация предполагает операцию «различения различения».

Социальный порядок рассматривается автором как система социальных ограничений. Упорядоченность общества структурируется социальной нормой. Норма рассматривается как регулятор поведения, но, прежде, как ограничение социального действия. Регуляция и ограничение социального действия составляют существо упорядоченности системы общества. По сути, изменение характера социальных ограничений составляет характер изменения социального порядка и характер изменения социальности. Безопасность же как мера устойчивости в воспроизводстве социальных ограничений (или социального порядка современности) является устойчивостью социального субъекта в условиях роста коммуникативных (информационных) процессов. Устойчивость «отстаивает» самое себя, «сопротивляясь» изменениям, но одновременно структурирует необходимые из них, тем самым изменяясь, но оставаясь структурой. Для каждого социального субъекта существует своя мера устойчивости.

Автор указывает на закономерность: чем более свободна личность, тем большее количество девиации (различного рода нарушений социального порядка) она способна осуществлять, тем проблематичнее ее деятельность с точки зрения устойчивости социального порядка. Соответственно, тем более развитой, более адаптивной к подобному уровню свободы (масштабу вариативности коммуникации) индивидов в обществе становится система социального контроля, нормативно-правовая система, система власти, отслеживающая и защищающая социальный порядок. По сути, рост свобод в условиях общества детерминирует рост вариативности социальной коммуникации (девиации/инновации).

Отмечается, что само общество во избежание распада вырабатывает новые механизмы регуляции социальных отношений и устойчивости порядка, появляются новые структуры накопления и ускорения девиации/инновации (Н. Луман). Такие социальные институты, как гражданские права и свободы, гражданская ответственность, правовое государство, гражданское общество, либеральная демократия, национальные интересы и национальная безопасность, являются новыми форматами упорядоченности возрастающей вариативности социальной коммуникации и становятся частью культуры современного общества. С другой стороны, эти институты являются не просто форматами упорядоченности возрастающей вариативности социальной коммуникации, но институциональной мерой, которая фиксирует необходимый уровень безопасности социального субъекта.

Безопасность общества, и индивида заключается в свойстве социального порядка сохранять и развивать самое себя в условиях девиации, в том числе одобряемой девиации (инновации). Упорядоченность системы общества всякий раз затрудняет реализацию интересов различных субъектов, но одновременно является основанием их «онтологической безопасности».

Поскольку в современном обществе, где приоритетной ценностью провозглашаются права и свободы личности, растет многообразие интересов различных субъектов, а нарушение нормы как «вариативность коммуникации» (Н. Луман) становится потенциально тотальным, говорить об устойчивости и упорядоченности социальных отношений (безопасности) становится все более проблематично. Сегодня утрачена былая сбалансированность между общественным и частным, за счет которой поддерживалась устойчивость социального порядка: «общественное колонизируется частным». В таких условиях подрывается основание социальной жизни каждого субъекта (личности, общества, государства), возрастает необходимость в обеспечении социальной безопасности. Соответственно, еще более значимой становится роль государства как гаранта безопасности в жизни личности и общества.

Если рост девиации/инновации связан с ростом частного интереса в обществе, то скрепой и носителем общественного интереса (интереса общего) является норма, представленная религией, моралью, правом. Все дальше расходятся два мира, два состояния общества: мир нормы и мир частного интереса. Если обратиться к приведенному сопоставлению этих двух состояний через призму предложенного подхода, то можно различать общество с низким уровнем вариативности коммуникации или девиации/инновации, и общество с высоким уровнем вариативности коммуникации. Это различие задает разные представления об обеспечении безопасности. В работе утверждается, что с ростом девиации/инновации или вариативности коммуникации в обществе меняются модели обеспечения безопасности. В зависимости от интенсивности вариативности коммуникации (девиации/инновации) автор различает два типа обеспечения безопасности субъекта: обеспечение безопасности в условиях низкой интенсивности вариативности коммуникаций (условно – состояние традиционного общества) и обеспечение безопасности в условиях высокой интенсивности вариативности коммуникаций или информационного потока (состояние современного общества).

В третьем параграфе первой главы «Девиация как вариативность социальной коммуникации и понятие информации» в анализе понятия девиации первоначально автор отталкивался от теории Э. Дюркгейма – «отклонение в поведении от нормы». Следом, оставляя в стороне известные классические теории девиантного поведения, исследование обращается к понятию девиации в традиции системной теории, теории эволюции Н. Лумана. Девиация, она же инновация, рассматривается в качестве вариативности социальной коммуникации для системы в целом, обуславливающей ее изменения (эволюцию). Отмечается, что безопасность необходимо рассматривать, в том числе, как устойчивость социального порядка в условиях инновационного развития общества или в условиях одобряемой девиации.

Информация в интерпретации Н. Лумана – не структура, а событие. Он определяет информацию как «событие, которое меняет состояние системы». Автор подчеркивает, что информация представляет собой временные различия, которые система постоянно конституирует внутри себя. Эти различия складываются из взаимной игры автореферентных или инореферентных обозначений, постоянно процессируемых внутри системы. Информацию можно интерпретировать как результат нового наблюдения второго (и очередного) порядка, составляющий содержание-послание (message) коммуникации. В этом смысле она наполняет вариативность коммуникации, ее девиантный/инновационный характер.

Автор исходит из того, что информация (релевантные для системы состояния и события) суть внутрисистемные достижения, приобретаемые с помощью техники различений. Другими словами, информация – это моменты становления тождества. Внешний мир – это абсолютное Все, которое в этом статусе непрозрачно и недоступно. Система способна «видеть», то есть выбирать свое и оставлять без внимания (в ранге возможности) другое. То, что «видит» система и есть ее коммуникации, которые необходимо отличны от мира самого по себе. Другими словами, система (и психическая, и социальная) пребывает в состоянии самоотражения себя (фрагмент известного определения информации), в состоянии единства тождества и различия (В.И. Кашперский), в условиях структурного соответствия и подобия, в информационном взаимодействии.

Рост информации ведет от стабильности порядка к его постоянному состоянию рестабиллизации или от структуры порядка к постоянному состоянию реструктуризации как характерного состояния социальной системы общества. Вариативность коммуникации, воплощенная в новой информации, и есть девиация/инновация для психической и социальной системы. Она вызвана к жизни условиями меняющейся окружающей среды, с которой система взаимодействует. Отклонение (вариативность) коммуникации от должного, общепринятого возрастает с отбором новых возможностей, при котором присутствует несоответствие с утвердившимся пониманием порядка вещей в обществе.

Рост вариативности коммуникации (девиации/инновации) служит условием развития социального порядка, но, с другой стороны, составляет основную угрозу распада социальной системы и многие иные угрозы для социального субъекта. Автор отдельно останавливается на мысли Н. Лумана о том, что система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключалась в создании дополнительных структур ускорения и накопления девиаций. Важно понимать, что всякий раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации/девиации опасность распада упорядоченности системы общества приближается, количество рисков и угроз для социального субъекта возрастает.

В работе сделан вывод о том, что суть направления эволюции социального порядка можно заключить в одно утверждение Н. Лумана: «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом». Другими словами, с развитием и усложнением социального растет необходимость в свободах от социальных ограничений. Подобная потребность реализуется в виде роста информационных потоков – роста интенсивности «различения различения». Такие ценности современности, как индивидуальная свобода, самореализация личности, творчество, инновационная деятельность, в подобном контексте, являются не чем иным, как воплощением требований логики эволюции социального мира. Автор указывает на значительность замечаний Н. Лумана об опасности движения в сторону новых случайных эффектов накопления и ускорения варьирования (девиации/инновации). Н. Луман ставит и завещает современникам проблему «формулы спасения» для системы общества.

В диссертационном исследовании выявляется ведущее противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности субъекта. Оно заключается в «разнонаправленности» устойчивости конституционных оснований социального субъекта и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. Утверждается, что «рост частоты информационных импульсов» (Н. Луман), выраженный в усилении девиантности является, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман). Рост девиации/инновации можно трактовать как рост частного интереса в обществе.

Состояние общества автор определяет исходя из таких переменных как «плотность коммуникаций» или «частота информационных импульсов». Плотность (или интенсивность) коммуникаций и частота информации (информационных импульсов) понимаются как одно явление. Это замечание носит принципиальный характер для исследования. Именно такая концептуализация взаимосвязи вариативности коммуникации (девиации/инновации) и информации позволяет видеть взаимосвязь безопасности и информации: безопасности как устойчивости социальной, психической структуры субъекта, и информации – и как нарушения этой устойчивости, и как условия устойчивости.

В результате в исследовании выявлена и продемонстрирована связь между понятиями «безопасность» и «информация». Обществу угрожает «коллапс различения стабильности и вариативности» (Н. Луман). С ростом интенсивности коммуникации/информации (нарастания гипертрофии варьирования коммуникации) автор связывает появление нового средства накопления и ускорения девиации/инновации – киберпространства Сети, которая в дальнейшем развивает виртуальную реальность. «Формула спасения» общества найдена. Она заключается в развитии

киберпространства. Современная социальная реальность представлена актуальным/виртуальным действием, которое порождает две модальности социальной реальности: актуальную и виртуальную реальность.

В четвертом параграфе первой главы «Обеспечение информационной безопасности как совокупность социальных практик» задается подход к структурированию информационной среды. Обеспечение информационной безопасности рассматривается в широком и узком смысле слова. Выводятся основные элементы определения предмета исследования.

Предложено более общее различение информационной среды: 1) информационная среда самого современного общества с его практиками обеспечения безопасности (широкое понятие информационного пространства) и 2) киберпространство (узкое понятие информационного пространства) как особая виртуальная среда с его специфическими свойствами. Важным, с точки зрения автора, является понимание того, что само современное общество, в условиях роста интенсивности информационных потоков, вырабатывает новые социальные практики не только в Сети (киберпространстве), но и обычном мире «актуальной реальности», которые лежат в основаниях практик обеспечения безопасности субъектов. В целом, общие практики обеспечения информационной безопасности автор интерпретирует как новые социальные мобильности. Их характеристики раскрываются во второй главе работы.

Обеспечение информационной безопасности рассматривается в широком и узком смысле слова: информационная безопасность в условиях современного общества (актуальной социальной реальности) и информационная безопасность в условиях киберпространства (виртуальной социальной реальности). В первом случае речь идет о социальных практиках, адекватных скорости и многообразию современных коммуникаций; во втором – о сетевых практиках, адекватных изменениям виртуальной социальной реальности. И первый, и второй типы социальных практик сводятся к содержанию защиты информации и защиты от информации.

В диссертационном исследовании предлагается следующий подход к определению информационной безопасности: информационная безопасность – это мера устойчивости конституционных оснований социального субъекта в условиях роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации. Обеспечение информационной безопасности составляют социальные практики, содержание которых сводится: 1. к защите субъектом своей информации и защите от внешней информации; 2. к ориентации в информационном пространстве, поскольку ресурсы в условиях роста устаревания информации должны всякий раз пересматриваться и обновляться.

Если информация – это событие, меняющее состояние системы, то защиту своей информации можно интерпретировать как препятствие (социального, организационного, технологического, психического плана) изменению чужой системы (индивида или социальной системы) с целью предотвращения возможности этой системы нанести ущерб.

Защита от информации является выстраиванием препятствий (социального, организационного, технологического, психического плана) изменению своей системы в сторону ее деградации или уничтожения.

При соблюдении первого условия информационной безопасности (защиты информации и от информации) вторым является ориентация в информационном пространстве, обеспечивающая «владение информацией». Отмечается, что актуальность второй составляющей информационной безопасности растет с ростом интенсивности информационных потоков и ростом устаревания информации. Но также растет невозможность этой ориентации. Дилетантизм субъекта является следствием нарастания сложности социального мира. Ситуация «ускользает» и становится «нечелoveкoразмерной». Владение информацией – это владение ситуацией. Если бы оно было полностью возможно для социального субъекта, то первое условие информационной безопасности не играло бы какой-либо значительной роли.

Под субъектом обеспечения информационной безопасности рассматривается как личность, так и любая социальная система. При этом берется во внимание, что интересы индивида и интересы социальной системы (различной организации, в частности, государства) часто не совпадают. А с дальнейшим усложнением социального, с ростом частных интересов, разрыв между системой и жизненным миром (Ю. Хабермас) увеличивается. С другой стороны, важным является понимание того, что социальная организация взаимодействий и, в частности, государство, изначально призваны обеспечивать мир и порядок в сообществе людей, не допуская «естественного состояния войны всех против всех». В этом контексте интересы и индивида, и социальной системы (в частности, государства) едины – это обеспечение порядка и устойчивости коммуникаций.

Ввиду приведенных утверждений защита информации и защита от информации при условии ориентации в информационном пространстве на предмет поиска необходимой информации является важнейшей практикой как для индивида, так и для социальной системы. Поэтому в настоящем диссертационном исследовании идет обращение к осмыслению практик информационной безопасности социального субъекта без его конкретизации.

Во второй главе диссертации «Безопасность в условиях роста интенсивности информации: общие практики обеспечения информационной безопасности» автор обращается к пониманию и анализу обеспечения информационной безопасности в широком смысле слова.

Выявляются и анализируются характеристики общих практик информационной безопасности. Для этого первоначально анализируется состояние социального мира в условиях современного роста информационных потоков. Практики обеспечения информационной безопасности интерпретируются как практики новых мобильностей. Утверждается, что критерием обеспечения информационной безопасности являются темпоральные характеристики социальной практики. Обеспечение информационной безопасности рассматривается в контексте понятий «социальные практики» и «социальные структуры».

В первом параграфе второй главы «Рост интенсивности социального информационного взаимодействия и особенности современных социальных практик» рассматриваются особенности состояния социального мира в условиях современного роста информационных потоков.

Ускорение социокультурной эволюции автор трактует в традициях структурно-функциональной теории, где ускорение вызвано дальнейшим увеличением дифференциации социальной коммуникации. Социальная коммуникация и социальная информация рассматриваются как форма и содержание информационного аспекта социального взаимодействия. Все более расширяется спектр эволюционных механизмов вариации и отбора, доказавших свою пригодность, социально успешных, наследуемых селекций. Это ускоряет социальную эволюцию, поскольку теперь увеличивается возможность выбора на основе более специфических позиций. Отмечается, что основным свойством современного общества является возросший процесс системной дифференциации как способ взаимодействия со сложностью его внешней среды. Дифференциация в системе – это способ действия в отношении изменений во внешней среде. Система поддерживает свои границы с внешней средой, иначе бы ее поглотила сложность внешней среды, она бы разрушилась и прекратила свое существование. Процесс дифференциации представляет собой средство повышения сложности системы, поскольку каждая подсистема может устанавливать с другими подсистемами различные связи. Это предусматривает большее внутрисистемное разнообразие для реагирования на разнообразие внешней среды.

Утверждается, что социальная эволюция как процесс социального ускорения характеризуется: 1) увеличением моментов выбора информации или увеличением количества информации; 2) увеличением скорости выбора информации или увеличением скорости социального информационного взаимодействия. Следствием роста интенсивности информационных потоков являются такие характеристики социальных практик, как риск и неопределенность; отвлеченность, дистанцированность и абстрагированность.

Делается предположение, что эволюция социальной формы деятельности или практики – это «рождение, развитие и потенциальное

умирание» некоторой «рациональной социальности», в основаниях которой лежит увеличение потока информации, представляющей действительность. Используя идею о различных вариантах понимания социальности (Д.В. Иванов), автор отмечает, что социальная практика сегодня характеризуется различными формами социальности – абсолютной (институты), относительной (сети), ситуативной и частной (отдельные интеракции), альтерсоциальностью (пространство потоков), поскольку различные формы структур выступают в качестве различных форм взаимодействия. Эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности: на фоне абсолютно понимаемой социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей появляются такие феномены, как антисоциальность или альтерсоциальность пространства потоков, развивающегося в сетевом пространстве. Координация взаимодействия, соответствующая сетевому и потоковому пространству, соответствует типу координации действий на основе ситуативного выбора и уже не связана с привычным смыслом интегрированности и нормативности. С другой стороны, в основаниях движения в восприятии «имени вещи» (А.Ф. Лосев) как информации лежат различные характеристики интенсивности информационного процесса в порядке их возрастания, соответствующие абсолютной, относительной, ситуативной и альтерсоциальности.

Рост интенсивности социального информационного взаимодействия формирует в целом такие особенности социальных практик, как риск и неопределенность (Н. Луман, У. Бек, З. Бауман, С. Лэш, Э. Гидденс и др.), отвлеченность, дистанцированность и абстрагированность (В.Е. Кемеров). Отмечается, что в ходе эволюции социальной формы деятельности конкретно-вещественный образ мира замещается новым образом создаваемой вещи, имя которой – «Сеть». Обретение и развитие человеком своих новых деятельных сил оказывается возможным только при условии их вынесения вовне, в систему обобщенного пространства и абстрактного времени, только за счет их облачения в инструментальную, предметную форму (В.Е. Кемеров). Способность социального времени разбиваться на времена и в то же время сохранять единство, подобно тому как это происходит с пространством, создает условие для возможности образования коммуникационной «сетевой ткани». Это позволяет множиться социальным мирам, выстраивая сети в пространстве и времени произвольным образом: нанизывая их друг на друга или располагая параллельно друг другу.

Делается вывод о том, что Сеть (сеть Интернета) как новая инструментальная предметная форма деятельности определяет сегодня во многом социальное бытие личности, определяет особенности современной практики в условиях информационных потоков, позволяет перейти от пространства (вещей) к последовательным выражениям процессов и их соотношений, к схватыванию «вещей-процессов» более достоверно и

эффективно, к потокам. Сеть позволяет прорабатывать в формах-схемах по возможности большое количество связей и отношений. Для современных социальных практик характерным является «колонизация общественного частным» (З. Бауман) и направленность к «сетевому, внеисторическому пространству потоков» в ущерб устойчивости общих культурных кодов общества (М. Кастельс).

Все приведенные выше характеристики практик вырабатываются в обществе психической и социальной системой на предмет адаптации к внешней среде, которая обусловлена возрастающей интенсивностью вариативности коммуникации или информационными потоками. Автор утверждает, что они лежат в основании практик обеспечения безопасности.

Во втором параграфе второй главы «Новые социальные мобильности как современные практики обеспечения информационной безопасности» рассматривая общие практики обеспечения информационной безопасности, автор обращается к понятию «новые социальные мобильности», под которым подразумевает новые устойчивые особенности деятельности социальных субъектов, обусловленные нарастанием информационных потоков и сетей.

Социальные практики защиты информации и защиты от информации в условиях интенсивности и устаревания коммуникации/информации выработали свои «особенности-техники» обеспечения безопасности. Такие «особенности-техники» фиксируются в социальной теории в терминах «скорости и временности», «степени проходимости социальных ситуаций» (Э. Тоффлер), «отношения ограниченного участия» (З. Бауман, С. Лэш, Э. Тоффлер и др.), «дальнодействия и отвлеченности» (В.Е. Кемеров), «объектуализации отношений или появлении “объектно-центрированной социальности”» (К. Кнорр-Цетина), «делокализации социальных действий, их извлечения из конкретного контекста и свободного перемещения в самых широких пространственно-временных рамках»; «контрфактуальности мышления и калькуляции рисков» (Э. Гидденс), «частично-непрерывного внимания» и «постмногозадачного поведения, характеризующего стремление индивида быть живым узлом коммуникационной сети» (Л. Стоун).

«Особенности-техники» характерны для практик новых мобильностей (Дж. Урри), которые составляют сегодня сетевую и потоковую морфологию социального мира. Под мобильностями автор подразумевает как географические, так и социальные феномены и обращается в большей мере к горизонтальной мобильности. В исследовании практик обеспечения информационной безопасности автор использует классификацию групп новых мобильностей Дж. Урри, который выделяет пять групп новых мобильностей: телесные перемещения людей, по-разному организованные по отношению к контрастным пространственно-временным модальностям; физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами, равно как посылки и получения подарков; воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, осуществляемые через

различные печатные или визуальные носители информации; виртуальные путешествия, часто в реальном времени, преодолевающие географические и социальные расстояния; коммуникационные путешествия посредством обмена СМС, текстами, письмами и телеграммами, через факс, телефон или мобильный телефон.

Отмечается, что условием обеспечения информационной безопасности является доступ к мобильности, который, в свою очередь, зависит от доступа к системе мобильностей, различающейся по мощности. Изучение новых горизонтальных мобильностей является важным в концептуализации практик обеспечения информационной безопасности. Субъекту необходимо сохранять адекватность внешнему миру информационной нестабильности сетей и потоков. Усвоение знаний и навыков новых мобильностей составляет центральное звено в выработке практик обеспечения безопасности.

Скорость становится еще одной фундаментальной характеристикой современного общества. Действия без движения, производимые с помощью коммуникации, оказываются более масштабными, чем те, которые можно осуществить с помощью физических перемещений. Не движения, а информационные потоки составляют теперь скорости социальных процессов. Осуществления социальных практик определяется не сколько скоростью движения, сколько скоростью решений, скоростью транзакций. Общие практики обеспечения информационной безопасности предлагается рассматривать через призму нового понимания скорости мобильности. Представление об организации новых мобильностей частично раскрывается через понятия каналов, туннелей и потоков (Дж. Урри).

Отдельно анализируются такие характерные особенности общих практик информационной безопасности (новых мобильностей), как объектуализация отношений (появление «объектно-центрированной социальности») (К. Кнорр-Цетина), делокализация действия, контрфактуальность мышления и калькуляция риска (Э. Гидденс). Идея объектуализации предполагает, что происходит переход форм социальной связи от социальной и нормативной интеграции к объектам как партнерам по отношениям или компонентам включающей среды. Объекты могут рассматриваться как своего рода «средства преодоления рисков и неудач, заключенных в человеческих отношениях» (К. Кнорр-Цетина). Многие объекты повседневной жизни превращаются в высокотехнологичные приспособления. Некоторые из их свойств, демонстрируемые в экспертных контекстах, могут привноситься в повседневную жизнь, превращая инструмент или товар в повседневную эпистемическую вещь, обеспечивающую безопасность реализации интереса.

Делокализации социальных действий, их извлечение из конкретного контекста и свободное перемещение в самых широких пространственно-временных рамках также позволяют с большей эффективностью реализовывать и защищать свои интересы. Этот процесс осуществляется с

помощью «высвобождающих механизмов» или абстрактных систем, которые включают в себя экспертное знание и «символические знаки». «Символические знаки» являются средствами социального обмена, обладают стандартной ценностью и взаимозаменяемостью в любом наборе социальных контекстов (образцом таких символических знаков являются деньги).

С нарастанием варьирования ситуации/коммуникации неизбежным становится крайняя нестабильность ситуации и «эксцентричность» последствий, что объясняет центральную роль контрфактуальности мышления и калькуляций риска как важнейших элементов в обеспечении информационной безопасности субъекта.

Отмечается, что в настоящее время новые мобильности как практики в обеспечении информационной безопасности характерны для защиты интересов «частного», которое активно колонизирует «общественное» (З. Бауман). Сегодня государство, преследуя цели обеспечения безопасности личности, общества, сохранения самого себя, сталкивается с нивелирующей и разрушающей силой организации новых мобильностей – информационных сетей и потоков. Потоки действуют опустошающе на существующие общества. Это происходит за счет избыточного количества возникших социаций, ставящих своей целью отражать, оспаривать, уклоняться, предлагать альтернативы или отстаивать различные потоки, часто выходящие за пределы отдельного региона (Дж. Урри). Подобные процессы ослабляют способность государства спланировать, объединять своих граждан, принимать политические решения от имени общества в целом, обеспечивать национальную идентичность и делать возможным единое мнение национального государства.

Указывается на важность того, чтобы практики новых мобильностей, позволяющие процветать в условиях хаоса и неопределенности, начали осмысливаться и использоваться как практики обеспечения информационной безопасности национальных сил в условиях всепоглощающей глобализации.

В третьем параграфе второй главы «Темпоральные характеристики социальной практики как критерий обеспечения информационной безопасности» делается вывод о том, что темпоральные характеристики социальной практики имеют прямое отношение к обеспечению информационной безопасности. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в смысле защищенности своих интересов в условиях роста информационных потоков и устаревания информации. Лестница субъектов действия (В.Н. Муравьев); люди прошлого, настоящего, будущего (Э. Тоффлер); человек пространства и человек времени (З. Бауман) – являются метафорами различения субъектов по возможностям интенсивности их информационного взаимодействия с миром. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в

смысле защищенности своих практик в условиях роста информационных потоков и устаревания информации. Делается предположение о том, что виды социальности – абсолютная (институты), относительная (сети), ситуативная и частная (отдельные интеракции), альтерсоциальность (пространство потоков) – также возможно рассматривать как различные в темпоральном отношении способы социального информационного взаимодействия и как техники обеспечения информационной безопасности.

Высокая интенсивность коммуникаций в обеспечении безопасности становится возможной благодаря такому феномену, как приватизация безопасности (М. Калдор, А.Ю. Полтораков и др.). Приватизация безопасности, которая выражается в росте многообразия частных структур обеспечения безопасности, также является особенностью современных практик и структур обеспечения информационной безопасности. Мобильность практик обеспечения безопасности и приватизация безопасности связаны тесным образом. В контексте такой постановки проблемы автор вновь обращается к соотношению защиты интересов частного и общего (целого), которая получает развитие в третьей главе исследования.

В четвертом параграфе второй главы «Социальные практики и структуры обеспечения информационной безопасности» обеспечение информационной безопасности рассматривается как совокупность практик и структур, обеспечивающих защиту субъекта в условиях информационной среды. Через призму теории структуризации Э. Гидденса автор задает комплексное видение феномена обеспечения информационной безопасности. Любое социальное действие (практика), любая структура сегодня в условиях роста и устаревания информации нуждается в обеспечении информационной безопасности. С другой стороны, само обеспечение информационной безопасности представлено и социальной практикой, и организационной устойчивой структурой (институцией). Автор вводит в работу понятия социальная практика и социальная структура в традициях теории структуризации Э. Гидденса. Функциональность этих понятий заключается в их методологической помощи, посреднической роли между понятием коммуникации (социальным информационным взаимодействием) как практики и понятием структуры как некоторой локальной упорядоченности нормированных практик (системы социальных ограничений и установлений). Подразумевается, что практика-действие наполняется и определяется коммуникацией/информацией. Термин «практика» указывает, что различные социальные деятельности «растягиваются» в широком пространственно-временном диапазоне.

Отмечается, что приведенные ранее в работе характеристики, «особенности-техники» общих практик обеспечения информационной безопасности свойственны, прежде всего, ведению информационного противоборства – борьбы в информационной сфере, которая предполагает

комплексное деструктивное воздействие на информацию, информационные системы и информационную инфраструктуру противника и защиту от подобного воздействия.

Как социальная практика в обеспечении информационной безопасности рассматривается информатизация общества и, в том числе, политика государства по информатизации общества и обеспечению независимости информационной инфраструктуры. Развитие информационной инфраструктуры общества обеспечивает «инфраструктуру мобильностей» социальных субъектов. Сама информационная инфраструктура и развитая информационная индустрия общества рассматриваются в исследовании как социальные структуры в обеспечении информационной безопасности государства.

Обращается внимание на то, что представление о структурах (отчасти и институтах) обеспечения информационной безопасности сегодня носит системный характер и развито в дисциплинарной области информационного права. В работе приводится краткий обзор существующих институций (структур) в обеспечении информационной безопасности (информационное право, управленческие государственные структуры в области информационной политики и обеспечения информационной безопасности и др.) Государство как институт обеспечения безопасности общества разрабатывает информационную политику, основные направления которой первоначально были заложены в Доктрине информационной безопасности. Эта политика направлена на поддержание и формирование различного рода систем, институтов, защищающих и развивающих информационную сферу. Отмечается, что основные сегменты этих структур, их нормативный и правовой характер развиваются такой отраслью знания, как информационное право.

Социальные средства активизации, воспроизводства и развития информационного ресурса субъектов – когнитивные структуры и институты общества – также рассматриваются как структуры в обеспечении информационной безопасности. Это институты семьи, образования, а также структуры формирования и развития социального интеллекта в целом, социальной памяти и общественного мнения, а также научных и других творческих школ, течений и т. д. (И.В. Соколова).

К структурам обеспечения информационной безопасности автор относит различные организации по производству экспертного знания. Сегодня это не только научные и образовательные структуры. Речь идет о беспрецедентном росте аналитических структур различного уровня – «фабриках мысли», занимающихся анализом и прогнозированием экономических и социальных процессов (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр и др.).

В исследовании отмечается противоречие между локальностью структур обеспечения безопасности и потоковым, сетевым характером

информационных угроз, не имеющих территориальной локализации. Сети и потоки развивают действие экстерриториально. Социальные нормы, отрываясь от локальных культур, становятся относительными, ситуационными. С нарастанием сетей и потоков растет несостоятельность структур обеспечения информационной безопасности в силу их локальности и нормативности.

В третьей главе диссертационного исследования «Безопасность в условиях киберпространства: сетевые практики обеспечения информационной безопасности» анализируется проблема обеспечения информационной безопасности в узком смысле этого слова – защита информации и защита от информации (социальные практики) в условиях Сети. Киберпространство рассматривается как система мобильностей и как новая структура накопления и ускорения варьирования коммуникации (девиации/инновации). Такая концептуализация феномена Сети позволяет задать необходимую оптику в осмыслении проблемы информационной безопасности. В главе приводятся характеристики сетевых практик обеспечения безопасности в киберпространстве и выделяются основные группы угроз безопасности в Интернете.

В первом параграфе третьей главы «Основные подходы к изучению современного информационного сетевого пространства. Киберпространство как система мобильностей» приводятся основные подходы к анализу сетевого информационного пространства и предлагается концептуализация сети Интернет как системы мобильностей.

Под Сетью автор понимает определенную форму коммуникаций, представленную децентрализованным комплексом взаимосвязанных узлов открытого типа, способную неограниченно расширяться путем включения все новых звеньев (коммуникаций), что придает сети гибкость и динамичность. Ключевым, но не единственным механизмом формирования сетей является Интернет. Помимо него – это и широкие экспертные сети, и сетевые бизнес-проекты (Mail.ru, Яндекс, Google, Ebay, Yahoo, электронные биржи), и онлайн-конференции, которые объединяют миллионы людей. Сети, составляющие современное киберпространство, неравнозначны по своим ресурсам. Большее количество сетей не выходит на глобальный или даже национальный уровень, демонстрируя тенденцию регионализации и локализации информационных потоков.

Из подходов к анализу сетевого общества, сетевых коммуникаций, в первую очередь, автор выделяет идеи М. Кастельса. Интерпретацию сетевого общества М. Кастельс встраивает в более широкий контекст технологической революции и теории информационного общества. Приводятся также подходы к анализу сетевых коммуникаций, выделенные А.В. Назарчуком. Киберпространство рассматривается через призму метафоры «ризома», которая указывает на то, что социальный мир не может быть охвачен привычными логоцентричными категориями мышления (Ж. Делёз, Ф.

Гваттари). Выделяются синергетический, системно-функциональный подходы, которые выводят понятие динамической стабильности, представление о случайности, непредсказуемости, необратимости физических и социальных процессов. Сеть основана на контингентности (Н. Луман), способной легко формировать связи, давать им на некоторое время затвердеть, чтобы потом рассыпаться. Как форма взаимодействия, она воплощает существенную характеристику поведения социальных систем – единство случайности индивидуального поведения и статистическую устойчивость коллективных структур (И. Пригожин). Сеть рассматривается также через призму теории габитуса П. Будье. Габитус, с точки зрения А.В. Назарчука – место в сплетении разномерных сетей, которое потенциально может занять каждый. Наконец, отмечаются подходы, проистекающие из представлений математики и логики. Сеть интерпретируется как математическое (геометрическое) понятие. Возможность установить количественные соотношения между сетевыми объектами открывает новые возможности для исследований в социологии, экономике, теории организации.

Автор диссертационного исследования предлагает подойти к пониманию Сети, в частности Интернета, как к системе новых мобильностей. Если представлять морфологию современности как совокупность сетей и потоков, то киберпространство Интернета можно рассматривать как Метасеть, которая является родовым началом современных состояний социума. Отмечается, что киберпространство, как система мобильностей становится основным инструментом в реализации целей и защите интересов субъектов.

Киберпространство возможно представить как конгломерацию магистралей и маршрутов. Маршруты определяют различные узлы циркуляции потоков. Эти узлы, в свою очередь, определяются сетевым социальным капиталом, которым обладают акторы. Социальный капитал в сети Интернета интерпретируется автором как капитал мобильности.

Многие соединения с людьми и социальными группами не основаны на пространственной близости. Существуют многочисленные формы «воображаемого присутствия», которые возможны благодаря путешествиям объектов, людей, информации и изображений, переносящих соединения в другие социальные пространства. В зависимости от множественных соединений между людьми и местами отсутствие человека компенсируется его воображаемым присутствием. Жизнь современного человека предполагает отношения периодического присутствия и разные режимы отсутствия. Частично они зависят от многочисленных технологий путешествия и коммуникаций, которые переносят объекты, людей, идеи и образы на расстояние (Дж. Урри). Маршруты в киберпространстве, соответственно, определяют различные сетевые узлы циркуляции и различные формы сетевого капитала мобильности. Сетевым узлом

циркуляции в Интернете можно считать форум, социальную сеть в целом, сообщество блогосферы и другие ресурсы. Сетевой капитал (социальный капитал) – это ресурс в реализации интересов субъекта. Его же автор определяет как капитал мобильности. Социальный сетевой капитал рассматривается как ресурс в обеспечении информационной безопасности субъекта. Групповые сетевые взаимодействия являются оптимальным источником необходимых ресурсов для защиты и реализации интересов.

Сеть составляет надежный источник других ресурсов. Социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы. Качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов. Отмечается, что сетевые практики обеспечения информационной безопасности реализуются в условиях «плотных сетей» (Дж. Коулмен, Г. Лори, Г.В. Градосельская и др.), в том числе, для решения проблемы избыточной информации и устаревшей информации, а также в условиях «сетей слабых связей» (Р. Берт); для решения несколько иных задач – ориентации в информационном пространстве на предмет поиска источников новых ресурсов.

Во втором параграфе третьей главы диссертации «Киберпространство как необходимый очаг накопления и ускорения девиации/инновации (информации)» предпринята концептуализация пространства сетевых коммуникаций (киберпространства) через призму неклассической теории эволюции Н. Лумана. Автор рассматривает Сеть как средство накопления и ускорения девиации/варьирования социальных коммуникаций.

В условиях все большей комплексности общества появляются дополнительные структуры накопления и ускорения варьирования коммуникации (девиации/инновации). Киберпространство Интернета и есть такая дополнительная структура.

В первой части параграфа «Сетевые коммуникации как потенциальная локализация аномии» в контексте заявленного подхода сетевые коммуникации рассматриваются как новый очаг аномии, необходимый и функциональный для устойчивости социального порядка общества. Отмечается, что киберпространство (современный Интернет) в качестве сетевого коммуникативного пространства позволяет «локализовывать» и одновременно накапливать и ускорять девиации/инновации (новые социальные практики), тем самым являясь мощным новым фактором инновационного развития. С другой стороны, общество сохраняет целостность и упорядоченность, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации).

Появляется все большее количество угроз информационного характера, связанных с защитой информации и защитой от информации. Коммуникация, обретая среду киберпространства, развивает информационный аспект

традиционных угроз обществу, государству и личности. С другой стороны, появляются новые информационные угрозы, обусловленные виртуализацией социальных процессов.

Автор делает вывод о том, что сеть Интернет как структура накопления и ускорения девиации/инновации в ближайшее время сохраняет баланс безопасности интересов частного и общего. Частное продолжает колонизировать общественное, но в большей мере это происходит в киберпространстве сетей и потоков Интернета. Система общества сохраняет целостность, общность (государственность, национальное единство), относительную устойчивость основных социальных институтов, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации), реализующей интересы частного (отдельных социальных групп, социальных организаций, субкультур, отдельных индивидов). Тем самым, разрешается противоречие, которое заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. «Рост частоты информационных импульсов» (Н. Луман), выраженный в усилении девиантности, является, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман). Эта «колонизация», в большей мере, происходит в Сети, позволяя тем самым сохранять статус «общественного», социального в актуальной действительности общества.

Во второй части параграфа «Национальная и государственная безопасность в соотношении общего и частного» выработанный подход к пониманию безопасности, информационной безопасности и концепт Сети как средства накопления и ускорения девиации/инновации используются автором как теоретико-методологический инструмент в анализе соотношения национальной и государственной безопасности. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» национальная безопасность определяется как защищенность интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Автор отмечает, что суть проблемы конструирования понятия национальной безопасности состоит в вопросе поиска защищенности баланса интересов частного (личности, социальной группы) и целого (нации, государства).

Национальная безопасность выступает как совокупность практик по защите и интересов частного, и интересов целого: это и защита права на девиацию/инновацию и защита нормы, закона как ограничения коммуникации/практики, гаранта безопасности целостности и упорядоченности, стабильности. Государственная безопасность предполагает иное – прежде защита целостности и порядка. В этом смысле, система государственной безопасности по природе своей противостоит

девиации/инновации как вариативности коммуникации (вариативности социальных практик), нарушающей порядок.

В диссертационном исследовании делается вывод: если утверждать о том, что развитие частных структур общества обуславливают рост интенсивности информационных потоков, то государственная безопасность – это обеспечение информационной безопасности целого (социума в целом) и в связи с этим, в большей мере, защита от информации (девиации/инновации), разрушающей устойчивость и системность социального организма. Национальная безопасность заключается в обеспечении безопасности роста вариативности и виртуализации социальных практик (право личности на информацию) при условии защиты целого.

В третьем параграфе третьей главы «Сетевые практики обеспечения информационной безопасности» анализируются особенности сетевой, потоковой организации виртуального социального пространства Интернета и выявляется характер практик обеспечения безопасности в киберпространстве.

Отмечается, что сетевые практики обеспечения информационной безопасности определяются функциональным значением, а не местом, в котором находятся акторы. Места (территории) теперь определяются производными функциональных узлов сетевого киберпространства. Практики делокализуются.

В Сети происходит дальнейшее умножение нормы с одновременным «откатом» к многофакторности (Г.В. Мальцев) порядка, ее последующее обобщение и формирование видимого упрощения. Это способствует развитию многоканальности и высокой плотности логистических путей, по которым осуществляются сетевые практики. Практики безопасности в сети обусловлены матричной природой сетевого пространства или свойством клонируемости ячеек сети (А.В. Назарчук), что позволяет охватывать трансформации крупных массивов объектов. С другой стороны, каждая ячейка сети способна реализовывать индивидуальное начало, что обуславливает возможность высокой вариативности практик.

Общей особенностью сетевых практик обеспечения информационной безопасности и, соответственно, универсальным способом воздействия на функциональные макросети является формирование персональных микросетей. В контексте обеспечения безопасности персональные микросети можно рассматривать как «плотные сети» капитала мобильности, а функциональные макросети – сети слабых связей, также составляющие капитал мобильности актора. Эти два типа сетевых ресурсов выполняют различные функции в обеспечении информационной безопасности. В условиях «плотных сетей» практики обеспечения информационной безопасности реализуются, в том числе, для решения проблемы избыточной информации и устаревшей информации. В условиях «сетей слабых связей» практики информационной безопасности решают задачи ориентации в

информационном пространстве на предмет поиска источников новых ресурсов. Такое представление о технике безопасности в Сети составляет один из векторов перспективы исследования.

Различные формы социальных ограничений социальных пространств, представленных в Сети, задают различные практики обеспечения безопасности, которые соответствуют институциональному пространству, пространству частной и ситуативной интеракции, пространству социальной сети, с характеристиками «относительной социальности», и пространству потоков, представленных «антисоциальностью» (Д. Иванов). Критерием обеспечения безопасности (устойчивости в условиях изменчивости) в Сети является направленность, плотность и интенсивность информационных потоков или сетей.

Информационная безопасность, прежде всего в Интернете – это практики культивирования темпоральных разрывов или практики преодоления разрывов в защите информации и защите от информации. Практики преодоления разрывов осуществляются в целях ориентации в общем информационном пространстве на предмет контроля за информацией.

Общими нормами сетевых практик информационной безопасности становятся свобода риска и комфортабельность безнормности (комфортабельная аномия). На взгляд автора, метафорой упорядоченности социального киберпространства является «неорганизованность порядка, но организованность интеракций» ввиду многофакторности регуляции коммуникаций. Сущностными характеристиками «парадоксальной свободы» (А.С. Кравченко) являются ее неизбежное навязывание и принятие на себя ответственности за явные и латентные последствия рисков: индивид поставлен в условия жизни, когда необходимо постоянно выбирать, просто нельзя не выбирать что-то или кого-то с учетом фактора немедленного или отложенного, явного или латентного рисков. Оценки сделанного выбора активно варьируются в социокультурном пространстве и изменяются во времени. Девиация в одном ценностно-нормативном пространстве становится инновацией в другом. Нормой жизни становится «риск свободы».

Сетевое киберпространство рассматривается как пространство «комфортабельной аномии», где комфортабельность обусловлена покоем и безопасностью тела, анонимностью субъекта. Свойство анонимности Интернет-коммуникаций имеет несколько особенностей: вследствие физического отсутствия участников в акте коммуникации можно выражать чувства, скрывать их, выражать чувства, которые человек в данный момент не испытывает; теряет свое значение ряд барьеров общения, обусловленных полом, возрастом, социальным статусом, внешней привлекательностью или непривлекательностью, а также невербальной составляющей коммуникативной компетентности партнеров; возникает возможность создавать о себе любое впечатление по своему выбору, при этом

обогащаются возможности не только самораскрытия человека, но и конструирования своего образа по своему выбору.

Делается вывод о том, что состояние «комфортабельной аномии» и «свобода риска» актора ведет к информационной избыточности и к усилению «разлома» между виртуальным и реальным мирами (В.И. Игнатъев), что сказывается на росте условности сетевых практик информационной безопасности. Это же явление выражено в гипертрофии вариативности коммуникаций. Чем больше масштаб и влияние циркуляции сетевых информационных потоков, тем разнообразнее бремя мобильности и тем больше вероятность различных типов вынужденного движения субъекта в реализации интересов и безопасности. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности сегодня – это необходимость, которая становится атрибутом современной жизни любого социального субъекта, требующая неустанной работы с информацией, включающей в себя взаимодействие с различными экспертными системами, делокализацию действия, бремя свободы и риска. Автор отмечает такую особенность сетевых практик безопасности, как «бремя мобильности». Утверждается, что избыток информации провоцирует гипертрофию практики информационной безопасности.

В четвертом параграфе третьей главы «Основные типы угроз в условиях Интернета» предложена типологизация информационных угроз в условиях Интернета. Выделены основные группы угроз информационной безопасности, обусловленных сетевыми коммуникациями: 1) угрозы безопасности личности, связанные с расширением возможностей манипулирования сознанием человека, информационной перегрузкой, с ростом Интернет-зависимости и развитием форм психосоциальной депривации; 2) угрозы использования во вред персональных данных (расширение возможностей скрытого сбора персональной информации); 3) информационные угрозы, связанные с расширением масштабов манипуляции общественным мнением, появлением возможностей эффективной организации деструктивных процессов в ценностных системах общества; 4) информационные угрозы безопасности личности, общества, государства, связанные с эффективностью работы сетевых структур отечественной и международной преступности и терроризма; 5) ведение информационных войн и угрозы неконтролируемого распространения информационно-психологического оружия и его применения в информационных войнах; 6) угрозы стабильности существующих политических режимов власти: системные и периферийные, также обусловленные сетевой логикой социальных процессов в Интернете.

Отмечается, что содержание каждой из приведенных групп угроз нуждается в более детальной проработанности. Необходима дальнейшая выработка критериев классификации групп угроз, формирование видов классификаций групп угроз, отвечающих различным профессиональным

задачам специалистов, занимающихся проблемами обеспечения безопасности. В Доктрине информационной безопасности РФ от 2000 года выделяются три основные группы методов обеспечения информационной безопасности: правовые, организационно-технологические и экономические. Отдельно необходимо говорить о формировании общих и профессиональных компетенций в области работы в сетевом коммуникативном пространстве как о важнейшей группе методов обеспечения информационной безопасности. В данном случае под компетенциями понимаются знания сетевого коммуникативного пространства, навыки и умения работы в нем.

В Заключении обобщаются результаты проведенного исследования, подводятся итоги, определяются направления, по которым возможна дальнейшая разработка проблемы. Отмечается, что выработанная автором теоретико-методологическая основа анализа обеспечения информационной безопасности является фундаментом для более глубокого подхода к осмыслению современных информационных социальных процессов.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Монографии, книги, брошюры

1. Владимирова Т.В. Социальное взаимодействие как информационный процесс / Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И. Игнатъев, Т.В. Владимирова, А.Н. Степанова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. – 308 с. Раздел первый. С. 39–152. (19,25/8,00 п.л.)
2. Владимирова Т.В. Государственная и национальная безопасность России: к вопросу инновационного развития / Новая парадигма управления социально-экономическим развитием регионов России [Текст]: коллективная научная монография / М.В. Васильева, Т.В. Владимирова, Е.В. Романенко, В.П. Часовской, под общ. ред. М.В. Васильевой. – М.: Планета, 2013. – 212 с. Глава 4. С. 130–158. (13/1,7 п.л.)
3. Владимирова Т.В. Социальная природа информационной безопасности [Текст]: научная монография / Т.В. Владимирова. – М.: АНО Изд. Дом «Науч. обозрение», 2014. – 239 с. (14 п. л.)

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК для апробации работ

4. Владимирова Т.В. Информационные основания самореференции личности // Философия образования. – 2006. – № 2 (16). С. 337–343. (0,5 п.л.)
5. Владимирова Т.В., Игнатъев В.И. Информационные основания социального взаимодействия // Ученые записки РГСУ. – 2007. – № 1 (53). С.121–126. (0,5 п. л.)

6. Владимирова Т.В. Интенсивность социального информационного взаимодействия как критерий дифференциации современной личности // Социальная политика и социология. – 2007. – № 2. – С. 200–207. (0,5 п.л.)
7. Владимирова Т.В. Социологическое знание и безопасность в сетевом пространстве // Философия образования. – 2010. – № 3 (32). – С. 50–56. (0,8 п.л.)
8. Владимирова Т.В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Социологические исследования. – 2011. – № 5. – С. 123–129. (0,75 п.л.)
9. Владимирова Т.В. Социальная безопасность: к социологической перспективе // Идеи и идеалы. Научный журнал. – 2011. – № 1(7) т. 2. – С. 78–85. (0,5 п.л.)
10. Владимирова Т.В. Развитие структур накопления и ускорения девиации как условие безопасности общества // Журнал Социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV. № 2. – С.129–146. (1,00 п.л.)
11. Владимирова Т.В. Информационная безопасность: к методологическим основаниям анализа вопроса // Информационное общество. – 2012. – № 5. – С. 47–52. (0,5 п.л.)
12. Владимирова Т.В. Безопасность как устойчивость социального порядка в условиях возрастания девиации // Национальная безопасность – Nota bene. – 2013. – № 1 (24). – С. 12–19. – DOI: 10.7256/2073–8560.2013.01.2. (0,75 п.л.)
13. Владимирова Т.В. Сетевые коммуникации как новая «формула спасения» социального порядка // Национальная безопасность – Nota bene. – 2013. – № 2 (25). – С. 371–378. – DOI: 10.7256/2073–8560.2013.02.16. (0,8 п.л.)
14. Владимирова Т.В. Информационная безопасность: социологическая перспектива понятия // Национальная безопасность – Nota bene. – 2013. – № 4 (27). – С. 597–604. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.4.7476. (0,65 п.л.)
15. Владимирова Т. В. Взгляд на практики обеспечения информационной безопасности // ж. Информационные войны. – 2014. – № 1(29). – С. 82–87. (0,6 п.л.)
16. Владимирова Т.В. Новые социальные мобильности как практики обеспечения информационной безопасности // Политика и Общество. – 2014. – № 8. – С. 902–909. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.8.11110 (0,5 п.л.)
17. Владимирова Т. В. Уровень интенсивности коммуникаций как критерий обеспечения информационной безопасности // Политика и Общество. – 2014. – № 4. – С. 461–469. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.4.10883 (0,7 п.л.)
18. Владимирова Т. В. О необходимом знании для идентификации угроз государственной безопасности // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2014. – № 2 (39). – С. 34–40. (0,6 п.л.)
19. Владимирова Т.В. Информационная безопасность: социальные практики и структуры // Национальная безопасность – Nota bene. – 2014. – № 3 (32). С. 390–397. (0,7 п.л.)

20. Владимирова Т.В. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности // Политика и Общество. – 2015. – № 2. – С. 250–261. (0,7 п.л.)
21. Владимирова Т.В. Рост интенсивности социального информационного взаимодействия и особенности современных социальных практик // Философия и культура. – 2015. – № 2. С. 230–242. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.2.12205. (0,7 п.л.)
22. Владимирова Т.В. Социально-философские аспекты обеспечения безопасности в Интернете // Научный Вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 2 (57). – С. 62–66. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.6.18305 URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18305.html (0,5 п.л.)
23. Владимирова Т.В. Универсальное и особенное в представлении об информационной безопасности в условиях войны и мира // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2015. – № 1. – С. 110–113. (0,6 п.л.)
24. Владимирова Т.В. Коррупция как девиация // «Расследование преступлений. Проблемы и пути их решения» (Сборник научно-практических трудов) – 2015. – № 3 (9). – С. 149–151. (0,3 п.л.)
25. Владимирова Т.В. К вопросу о соотношении национальной и государственной безопасности // Социодинамика. – 2016. – № 6. – С. 18–28. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.6.18305. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18305.html (0,8 п.л.)

Публикации закрытых изданий, входящих в список ВАК

26. Владимирова Т.В. Безопасность как устойчивость социального порядка // Труды Института. – Новосибирск: Образовательное учреждение ведомства, 2010. – № 37. – С. 16–31. (0,7 п.л.)
27. Владимирова Т.В. Проблема безопасности в условиях сетевых коммуникаций // Труды Института. – Новосибирск: Образовательное учреждение ведомства, 2010. – № 37. – С. 44–54. (0,7 п.л.)
28. Владимирова Т.В. Обеспечение безопасности национального государства в контексте теории эволюции социального порядка // Труды Академии. – Москва: Образовательное учреждение ведомства. – 2016. (0,5 п.л.)

Статьи, тезисы докладов и выступлений на научных конференциях

29. Владимирова Т.В., Игнатъев В.И. Модели информационного взаимодействия // Социально-гуманитарные исследования / Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – Вып. 2. – С. 64–79.

30. Владимирова Т.В., Игнатъев В.И. Индивидуализированное общество с позиции «Другого» // Сибирский социологический вестник – Барнаул – Горно-Алтайск, 2003. – № 1. – С. 171–175.
31. Владимирова Т.В., Игнатъев В.И. К онтологии социального информационного взаимодействия // Социально-гуманитарные исследования / Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003 - Вып.2. – С. 79–87.
32. Владимирова Т.В., Игнатъев В.И. Ускорение социальных изменений в контексте социального информационного взаимодействия (доклад), Всероссийская научная конференция «Трансформация Российского общества и актуальные проблемы социологии». – 18 марта 2005 г. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 22–24.
33. Владимирова Т.В., Игнатъев В.И. Социальное информационное взаимодействие: интенсивность и трансформация // Сибирский социологический вестник. – Барнаул – Горно-Алтайск, 2005. – № 1. – С. 95–110.
34. Владимирова Т.В. Интенсивность социального информационного взаимодействия как критерий дифференциации современной личности (доклад) Материалы III Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» (МГУ, Москва, октябрь 2007 г.) – М.: Альфа-М, 2007.
35. Владимирова Т.В. Социальное взаимодействие как информационный процесс. Социальная онтология России (сборник научных статей по докладам I Всероссийских «Копыловских чтений»). – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007. – 510 с. Депонировано в ИНИОН № 60327. 27.06.2007.
36. Владимирова Т.В. Личность в современной информационной среде / Социальная онтология России (сборник научных статей по докладам II Всероссийских «Копыловских чтений»), Новосибирск: Изд-во НГТУ. – 2008. С. 25–41.
37. Владимирова Т.В. Уровень интенсивности коммуникации как основание различения социальных практик (доклад) Материалы III Всероссийского социологического Конгресса [Электронный ресурс]. – Москва, 2008 – С. 111–114. – 1 электрон. Опт. Диск (CD-ROM). – Загл. с этикетки диска.
38. Владимирова Т.В. Социальная безопасность: проблемы методологического осмысления / Социальная онтология России (сборник научных статей по докладам III Всероссийских «Копыловских чтений») – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. Депонировано в ИНИОН РАН 08.07.09 № 60765. – С. 27–37.
39. Владимирова Т.В., Рязанова Т.А. Безопасность как устойчивость социального порядка в условиях девиации // Социология, философия, право в системе научного обеспечения процессов развития современного общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Красноярск, 20 мая 2010 г.) / отв. Ред. Д.Д. Невирко. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. – С. 261–266.

40. Владимирова Т.В. Информатизация и безопасность общества (доклад) Материалы Всероссийской социологической конференции «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы» (1–3 ноября, 2010) [Электронный ресурс]. – Москва, 2010. – 1 электрон. Опт. диск (CD-ROM). – Загл. с этикетки диска.
41. Владимирова Т.В. Соотношение понятий национальной и государственной безопасности с позиции социологического знания (доклад) Материалы VI Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» (1–2 декабря, 2010) [Электронный ресурс]. - Москва, 2010 – С. 299–302. – 1 электрон. Опт. Диск (CD – ROM). – Загл. с этикетки диска.
42. Владимирова Т.В. Сетевые коммуникации как формула спасения социального порядка (доклад) Шестые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 11 – 12 ноября 2011 /Отв. редактор Ю.В. Асочаков. Спб., 2011. С. 78–79. [Электронный ресурс]: www.soc.spbu.ru/img/up/file/sbornik_s_oglavleniem1.pdf.
43. Владимирова Т.В. Безопасность и инновационное развитие общества (доклад), Материалы VII международной научной конференции «Сорокинские чтения» (МГУ, декабрь) – М.: Альфа-М, 2011. – С. 101–102.
44. Владимирова Т.В. Инновационное развитие общества как возрастание девиаций и рисков (статья) / Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей.– Вып. 4 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е. А. Попова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 69–75.
45. Владимирова Т.В. Инновационное развитие как нарастание девиации/варьирования и безопасность общества (доклад) Социология в системе научного правления обществом. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса (2–4 февраля, 2012) [Электронный ресурс]. – Москва, 2012. – 1 электрон. Опт. Диск (CD-ROM). (ISBN – 978-5-89697-210-5) – Загл. с этикетки диска. С. 306–307.
46. Владимирова Т.В. Необходимый очаг аномии: значение сетевых коммуникаций для безопасности общества (доклад) Социология в системе научного управления обществом. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса (2-4 февраля, 2012) [Электронный ресурс]. - Москва, 2012. – 1 электрон. Опт. Диск (CD- ROM). (ISBN – 978-5-89697-210-5) – Загл. с этикетки диска. С. 1671–1672.
47. Владимирова Т.В. Сетевые коммуникации как структуры накопления и ускорения девиации /инновации // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды V Международной научно-практической конференции СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – С. 177–187.
48. Владимирова Т.В. Проблема устойчивости порядка как угроза безопасности // Вопросы безопасности. – 2013. – № 2. – С. 67–87. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.2.590. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_590.html. (в списке ВАК с декабря 2015 г.)

49. Владимирова Т.В. Рост «потребности в Неотрицаемом» и безопасность общества // Вопросы безопасности. – 2013. – № 3. – С.136–157. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.3.595. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_595.html (в списке ВАК с декабря 2015 г.)
50. Владимирова Т.В. К социальной природе понятия «информационная безопасность» // Вопросы безопасности. – 2013. – № 4. – С. 78–95. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.4.596. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_596.html (в списке ВАК с декабря 2015 г.)
51. Владимирова Т.В. Интенсивность коммуникаций практик новых мобильностей и информационная безопасность // Социодинамика. – 2014. – № 1. – С. 89–111. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.1.10918. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_10918.html (в списке ВАК с декабря 2015 г.)
52. Владимирова Т.В. О значении новых мобильностей для безопасности // Вопросы безопасности. – 2014. – № 1. – С.9–23. DOI: 10.7256/2306-0417.2014.1.11164. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_11164.html (в списке ВАК с декабря 2015 г.)
53. Владимирова Т.В. Об определении понятия информационной безопасности // Труды Института. – Новосибирск: Образовательное учреждение ведомства, 2013. – № 40. – С. 3–16.
54. Владимирова Т.В. О едином ключе в понимании обеспечения информационной безопасности // Вопросы безопасности. – 2014. – № 2. – С.111–127. DOI: 10.7256/2306-0417.2014.2.11811. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_11811.html (в списке ВАК с декабря 2015 г.)
55. Владимирова Т.В. Информационная безопасность в условиях войны и мира / Т.В. Владимирова // Информация. Коммуникация. Общество (ИКО-2015). Война и мир как формы коммуникации. Герои и общество: материалы 12 Всерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 22–23 янв. 2015 г. – Санкт-Петербург: Изд-во ЛЭТИ, 2015. – С. 131–133.
56. Владимирова Т.В. О социальных практиках защиты интересов и безопасности в киберпространстве / Уголовно–правовая охрана информационного пространства в условиях глобализации: Коллективная монография по материалам XII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти основателя Уральской уголовно-правовой школы заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора М.И. Ковалева (Екатеринбург, 20–21 февраля 2015 г.). Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета. 2016. – 148 с. С.47–51.
57. Владимирова Т.В. Информационная безопасность как социальная практика // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества: труды Междунар. науч.-теор. конф. 28–31 октября 2015 года. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. – 318 с. С. 217–220.

58. Владимирова Т.В. О противоречии, определяющем логику развития социального информационного пространства // Десятые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции 13-15 ноября 2015 года / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 848–849. [Электронный ресурс]: <http://soc.spbu.ru/nauka/publications/>